

**ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY**

**ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՈՂԻՌ ԲԱՆԱՄԻՐՈՒԹՅՈՒՆ**

**ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ**

**BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY**

**№ 1(24)
2024**

Журнал «Вестник Ереванского университета. Русская филология» выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правопреемник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала «Вестник Ереванского университета». «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանագիրություն» հանդեպ լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ.

հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

Three issues of "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" are published twice a year. The journal has been published since 2015. It is the successor of "Journal of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:
Խմբագրական խորհուրդ.
Editorial Board:

Главный редактор:

Գլուշկով Խմբագիր՝

Editor-in-chief:

Акопян Левон (к.фил.н.,

доц., levon.hakobyan@ysu.am)

Հակոբյան Լևոն (բ.գ.դ., դոց.)

**Hakobyan Levon (PhD in Philology,
Associate Professor)**

**Балаян Павел (к.пед.н., доц.,
pavel.balayan@ysu.am)**

Բալայան Պավել (բ.գ.դ., դոց.)

**Balayan Pavel (PhD in Pedagogy, Associate
Professor)**

**Газарова Диана (к.фил.н., доц.,
dgazarova@ysu.am)**

Գազարովա Դիանա (բ.գ.դ., դոց.)

**Gazarova Diana (PhD in Philology,
Associate Professor)**

**Денисенко Владимир (д.фил.н., проф.,
PФ, denisenko@mail.ru)**

**Դենիսենկո Վլադիմիր (բ.գ.դ., պրոֆ., ՌԴ)
Denisenko Vladimir (Sc. D. in Philology,
Professor RF)**

**Дэвидсон Дан (PhD, проф., США, вице-
президент МАПРЯЛ)**

**Դեմիքոն Դեն (PhD, պրոֆ., ԱՄՆ,
МАПРЯЛ-ի փոխնախագահ)**

**Davidson Dan (PhD in Philology, Professor,
USA, Vice President of IATRLL)**

**Джанполадян Магдалена (д.фил.н.,
проф., m-poladyan@mail.ru)**

**Զանփոլադյան Մագդալինա (բ.գ.դ., պրոֆ.,)
Janpoladyan Magdalina (Sc. D. in Philology,
Professor)**

© Բանբեր Երևանի համալսարանի * Вестник Ереванского университета * Bulletin of Yerevan University

Евдокимова Светлана (PhD, проф., США,

svetlana_evdokimova@brown.edu)

**Եվդոկիմովա Սվետլանա (PhD, պրոֆ.,
ԱՄՆ)**

**Evdokimova Svetlana (PhD in Philology,
Professor, USA)**

Լалаян Сусанна (к.фил.н.,

доц., susanna.lalayan@ysu.am)

Լալայան Սոսաննա (բ.գ.թ., դոց.)

**Lalayan Susanna (PhD in Philology,
Associate Professor)**

**Люцканов Йордан (PhD, доц., Болгария,
ylyuckanov@gmail.com)**

Լյուչկանով Յորдан (PhD, դոց., Բուլղարիա)

**Lyutskanov Yordan (PhD in Philology,
Associate Professor, Bulgaria)**

**Матевосян Лианна (դ.ֆիլ.ն., պրոֆ.,
lianna.matevosyan@ysu.am)**

Մաթևոսյան Լիաննա (բ.գ.դ., պրոֆ.)

**Matevosyan Lianna (Sc. D. in Philology,
Professor)**

**Մխիտարյան Կարինե (կ.ֆիլ.ն., դոց.,
karine.mkhitaryan@ysu.am)**

Մկհիթարյան Կարինե (բ.գ.թ., դոց.)

**Mkhitaryan Karine (PhD in Philology,
Associate Professor)**

**Перотто Моника (PhD, доц., Италия,
monica.perotto@unibo.it)**

**Պերոտո Մոնика (PhD in Philology,
Associate Professor, Italy)**

**Стерьёпулу Элени (PhD, проф.,
Греция, elsterg@slavstud.uoa.gr)**

**Ստեρյոպուլու Էլենի (PhD, պրոֆ.,
Հունաստան)**

**Stergiopoulou Eleni (PhD in Philology,
Professor, Greece)**

СОДЕРЖАНИЕ * ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ LITERARY CRITICISM

<i>Левон Акопян – Доминанта в поэтическом сверхтекстовом единстве: постановка проблемы.....</i>	4
<i>Լևոն Հակոբյան – Դոմինանտը բանաստեղծական գերտեքստային միասնության մեջ. խնդրի առաջարկում</i>	
<i>Levon Hakobyan – Dominant in Poetic Supertextual Unit: Problem Statement</i>	

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ LINGUISTICS

<i>Рузан Гrdзелян – Лексикографический анализ русских и армянских синонимических рядов с semanticским компонентом ‘Высокий’</i>	19
<i>Ռուզան Գրձելյան – «Բարձր» իմաստային տարր ներառող հոմանիշների շարքերի բառարանագիտական վերլուծությունը ոուսերենում և հայերենում</i>	
<i>Rouzan Grdzelyan – Lexicographical Analysis of Russian and Armenian Synonymous Series with the Semantic Component ‘High’</i>	
<i>Гаяне Оганесян – Семантическое поле гнева в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий»</i>	29
<i>Գայանե Հովհաննեսյան – Զայրությի իմաստային դաշտը Լ. Ն. Տոլստոյի «Հայր Սերգի» վիպակում</i>	
<i>Gayane Hovhannesyan – Semantic Field of Anger in L.N. Tolstoy’s “Father Sergius” Novel</i>	
<i>Юехао Хань – Фитонимы в русской лингвокультуре (в сопоставлении с китайской и корейской).....</i>	39
<i>Յոյէհաո Հան – Բուսանունները ոուսական լեզվամշակույթում (չինականի և կորեականի զուգորդությամբ)</i>	
<i>Yuehao Han – Phytonyms in Russian, Chinese and Korean Linguistic Cultures</i>	

ДОМИНАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ СВЕРХТЕКСТОВОМ ЕДИНСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ЛЕВОН АКОПЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье впервые ставится вопрос о доминанте в основных формах поэтического сверхтекстового единства – в венке сонетов, в лирическом цикле и в книге стихов.

Важнейшей особенностью доминанты в сверхтекстовом единстве является потенциальная возможность ее выдвижения на двух уровнях: на уровне словаобраза и на уровне текста.

Образная доминанта основана на межтекстовом повторе слова/словосочетания, который представляет собой множественное воспроизведение лексического образа или его коррелятов в двух и более текстах данного единства.

Текстовой доминантой является стихотворение, наиболее полно воплощающее в себе основную идею и смысл сверхтекстового целого, и представляет собой силовое поле, притягивающее к себе множество тематически и образно близких текстов, образующих сверхтекстовое единство.

Идеальным образцом текстовой доминанты является магистрал венка сонетов, определяющий структурообразующую и смыслообразующую систему целого. Текстовые доминанты в других сверхтекстовых формах лишь в большей или меньшей степени могут приближаться к той функции, которую выполняет магистрал.

В отличие от венка сонетов, идейно-концептуальная составляющая лирического цикла не может быть полноценно выражена в одном отдельном тексте, так как она порождается лишь взаимодействием всех текстов циклового ряда, поэтому ни один текст, в том числе и доминантный, не является полноценным воплощением смыслов целого. В цикле текстовая доминанта не выполняет жанрообразующей функции, поэтому здесь наличие текстовой доминанты является факультативным фактором.

Поэтические тексты, входящие в книгу стихов, не обладают той интенсивностью межтекстовых связей, которая характерна для лирического цикла. Стихотворения одной образно-тематической группы рассредоточены по всему пространству книги стихов, образуя структурно не оформленные *образно-тематические концентры*. Композиционной неопределенностью концентрата обусловлено своеобразие текстовой доминанты в

* Левон Акопян – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЕГУ
Լևոն Հակոբյան – քանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ուսու գրականության ամբիոնի դոցենտ

Levon Hakobyan – PhD, Associate Professor of the Chair of Russian Literature, YSU
Эл. почта: levon.hakobyan@ysu.am. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4459-2277>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 30.10.2024

Рецензия: 06.11.2024

Одобрено: 20.11.2024

© The Author(s) 2024

этой разновидности книги стихов. Не имея какой-либо иной конструктивной функции, текстовая доминанта в книге стихов играет важную смыслоорганизующую роль в концентре.

Ключевые слова: доминанта, сверхтекстовое единство, межтекстовые связи, венок сонетов, лирический цикл, книга стихов

1. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья представляет собой опыт дальнейшей разработки проблемы доминанты в поэтическом тексте, предпринятой нами в ранней работе [Акопян, 2022], и посвящена изучению этого почти забытого литературоведческого понятия на высоких уровнях организации поэтических текстов – в венке сонетов, в лирическом цикле и в книге стихов.

Главной особенностью доминанты в сверхтекстовых организациях является тот факт, что она реализуется не в отдельном поэтическом тексте, а проявляется в результате межтекстовых взаимодействий произведений, составляющих сверхтекстовое единство. Иначе говоря, предметом нашего рассмотрения является не внутритекстовая доминанта, а доминанта, порожденная взаимными семантическими сопряжениями поэтических смыслов текстов, составляющих сверхтекстовое единство.

В каждом из трех основных видов сверхтекстовой организации доминанта проявляется по-разному, однако базовые ее параметры, определенные в названной статье, остаются неизменными при переходе на сверхтекстовый уровень, либо модифицируясь, либо трансформируясь в зависимости от разновидности поэтического сверхтекста. Этим определяется структура нашей статьи, концептуально распадающейся на две части. В первой части представлена общая характеристика доминанты в сверхтекстовом единстве, а во второй – особенности ее проявления в каждой из названных разновидностей сверхтекстового единства. Однако, поскольку основные положения данного исследования базируются на принципах, разработанных в названной статье, считаем необходимым привести основные ее положения.

Разрабатывая нашу концепцию лексической доминанты в поэтическом тексте, мы пришли к следующим выводам:

- а. доминанта является важным, но не обязательными составляющим художественного текста;
- б. доминантой в поэтическом тексте может быть только повторяющийся компонент;
- с. из двух разновидностей лексического повтора (контактного и дистантного) доминантой может быть только дистантный повтор и его интенсивно выраженная разновидность – сквозной повтор;
- д. доминанта – это становящийся или трансформирующийся образ, начальное и конечное состояния которого не равны друг другу;
- е. доминанта – это порождающий образ, который генерирует ряд сопутствующих образов-сателлитов.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМИНАНТЫ В СВЕРХТЕКСТОВОМ ЕДИНСТВЕ

С нашей точки зрения, представленные выше параметры достаточно полно характеризуют лексическую доминанту в отдельном стихотворении. Однако лексическая доминанта не является единственной возможной формой внутритеческой доминанты: она может проявляться и на других структурных уровнях текста – фонетическом (звуковая доминанта), морфемном (морфемная доминанта) и пр. С другой стороны, доминанта может проявляться также в различных формах сверхтекстовых единств, таких как книга стихов, лирический цикл и венок сонетов.

Естественно, что параметры, характеризующие лексическую доминанту в отдельном тексте, не могут быть механически перенесены на доминанту, выступающую на уровне сверхтекстовой организации.

В зависимости от текстового уровня, на котором проявляется доминанта, она, как правило, претерпевает определенные трансформации: одни параметры модифицируются, другие вовсе становятся неактуальными. Это касается и доминанты в сверхтекстовых организациях.

В первую очередь необходимо оговорить следующий важный момент: за исключением канонического венка сонетов, наличие доминанты не является обязательным организующим фактором для других форм сверхтекстового единства. Исходя из этого мы полагаем, что в отношении доминанты сверхтекстовые единства делятся на два типа, которые условно обозначим как «доминантные» и «бездоминантные» сверхтексты. Эти два типа представляют собой разные принципы организации сверхтекстового единства. В «доминантных» сверхтекстовых организациях доминанта является тем регулирующим смысловым центром, который определяет семантическую структуру остальных компонентов единства и в конечном счете – всего сверхтекстового целого; в «бездоминантных» организациях отсутствие доминанты обуславливает равную значимость всех составляющих в порождении поэтического смысла сверхтекстового единства. Дальнейшие наши рассуждения будут касаться сверхтекстовых единств с доминантой.

Наиболее важной особенностью доминанты в сверхтекстовом единстве является ее потенциальная способность проявляться на двух уровнях: на уровне словаобраза (*образная доминанта*) и на уровне текста (*текстовая доминанта*).

Строго говоря, данное деление не вполне корректно, поскольку поэтический образ и поэтический текст настолько тесно связаны друг с другом, что один без другого не существует, так как концепция, тематика, семантика и другие содержательные компоненты поэтического текста выражаются в образах и посредством образов. Тем не менее, нам представляется, что отдельное рассмотрение образной и текстовой доминант с методологической точки зрения вполне оправдано, поскольку проанализированный материал показал, что обе разновидности доминанты не обязательно связаны друг с другом непосредственными причинно-следственными связями.

2.1. *Образная доминанта в сверхтекстовом единстве*

Образная доминанта в сверхтекстовом единстве в сущностных своих чертах во многом совпадает с особенностями лексической доминанты в отдельном поэтическом тексте, основным показателем которой является *повторяемость слова/словосочетания*. Тем не менее, лексическая доминанта в отдельном поэтическом тексте и в сверхтекстовом единстве существенно отличаются друг от друга. Основное различие проявляется в том, что для сверхтекстовой доминанты значима не внутритекстовая повторяемость словаобраза, а межтекстовая. Внутритекстовый повтор имеет важное значение для выявления образной доминанты отдельного поэтического текста, однако для сверхтекстового единства он существенного значения не имеет.

В противоположность этому, определяющее значение для доминанты в сверхтекстовом единстве имеет межтекстовый повтор, представляющий собой множественное воспроизведение лексического образа или его коррелятов в двух и более текстах данного сверхтекстового единства.

Все другие особенности образной доминанты в сверхтекстовом единстве обусловливаются и определяются этой базисной характеристикой. Так, одно из основных свойств образной доминанты, проявляющееся в противопоставлении контактного и дистантного повтора в перспективе сверхтекстового единства снимается, так как межтекстовый повтор сам по себе является дистантным даже в том случае, если повторяющийся образ в одном тексте контактно проявляется в другом, как в венке сонетов. Здесь повторяющиеся в непосредственной близости образы последнего стиха предыдущего текста в первом стихе следующего не могут рассматриваться как контактные повторы, так как они принадлежат разным текстам.

Эта особенность межтекстового повтора снимает необходимость специального акцентирования и другого параметра образной доминанты в сверхтекстовом единстве, который связан с динамикой семантической структуры повторяющегося словаобраза, поскольку присутствие одного и того же словаобраза в двух разных текстах сверхтекстового единства или, что то же самое, в двух разных контекстных окружениях, уже само по себе предопределяет определенные трансформации в семантической структуре этого образа.

С функциональной точки зрения образные доминанты в разных формах сверхтекстовых единств существенно не отличаются друг от друга. Все они порождаются межтекстовым повтором ключевых образов, которые не только скрепляют два разных текста и тем самым объединяют их в некоторое сверхтекстовое целое, но и, с точки зрения нашей проблемы, имеют потенциальную возможность выдвижения данного образа на ведущую роль на фоне остальных.

Сверхтекстовое единство может иметь несколько образных доминант, каждая из которых выступает как своеобразный силовой центр, притягивающий и вовлекающий в свою орбиту другие образы-сателлиты, развивающие, дополняющие, расширяющие или, наоборот, сужающие и конкретизирующие семантику доминантных образов. Эти образы в разной мере удалены от образной доминанты – от семантически близких словообразов, до более отдаленных, но вовлекаемых в семантическое поле доминанты благодаря контексту произведений, составляющих сверхтекстовое единство.

2.2. Текстовая доминанта в сверхтекстовом единстве

Текстовой доминантой сверхтекстового единства мы называем поэтический текст, наиболее полно воплощающий или аккумулирующий в себе основную идею и основной смысл сверхтекстового единства. В идеальном случае доминантный текст является концентрированным воплощением общей концепции и ключевых образов сверхтекстового единства. Это значит, что образная и текстовая доминанта тесно связаны, и можно полагать, что «встреча» ключевых образных доминант в одном произведении определяет доминантность данного текста в сверхтекстовом единстве.

Следует, впрочем, оговориться и отметить, что текстовая доминанта является непременным компонентом лишь в одной форме сверхтекстовой организации, а именно в венке сонетов; это обусловлено жанровой спецификой венка сонетов как строго иерархически организованной системе соподчиненных текстов. В других формах сверхтекстового единства текстовая доминанта является фактором факультативным.

Будучи концептуальным ядром сверхтекстового единства, текстовая доминанта взаимодействует со всеми другими текстами сверхтекстового целого, однако в зависимости от разновидности сверхтекстового единства это взаимодействие проявляется с разной степенью интенсивности и полноты.

Доминантный текст представляет собой своеобразное силовое поле, притягивающее и вовлекающее в свою орбиту множество тематически и образно близких поэтических текстов, которые и образуют сверхтекстовое единство.

В связи с этим можно выделить ряд свойственных текстовой доминанте функций, которые отличают ее от остальных стихотворений сверхтекстового единства.

Порождающая функция доминантного текста заключается в том, что он инициирует объединение группы тематически, образно и концептуально близких произведений в единое сверхтекстовое целое.

Смыслообразующая функция доминантного текста заключается в том, что именно он определяет круг тем, образов и поэтических смыслов сверхтекстового единства. Доминантный текст является центральным произведением сверхтекстового единства, его концептуальной основой, от которой в основном зависит полнота представления идейного, образного и смыслового мира сверхтекстового целого. В этом смысле он противостоит всем остальным текстам сверхтекстового единства.

Структурообразующая функция доминантного текста проявляется в определении архитектоники сверхтекстового единства и в установлении иерархических отношений между поэтическими текстами в аспекте большей или меньшей интенсивности реализации концептуальной и образной составляющей, задаваемой текстовой доминантой.

Сверхтекстовое единство может иметь несколько текстовых доминант, в той или иной мере аккумулирующих и фокусирующих в себе идеи и образы сверхтекстового целого. В этом случае остальные поэтические тексты данного единства включаются в силовое поле той или иной текстовой доминанты.

Вообще говоря, в сверхтекстовом единстве возможны четыре варианта соотношения образной и текстовой доминанты. Представим эти соотношения с

привлечением образцов, характеризующих каждый из этих вариантов.

- *Выделяется как образная, так и текстовая доминанта.* Этот тип является наиболее совершенным воплощением идеи доминанты в сверхтекстовом единстве. В качестве примера можно назвать «Венок сонетов» Вяч. Иванова, где текстовой доминантой является магистрал, а образная доминанта – это сложный образ *мы*, представляющий собой нерасторжимое единство двух субъектов, явлений и состояний, объемлющее все мироздание.

- *Выделяется образная, но не выделяется текстовая доминанта.* Так построен цикл М. Цвутаевой «Стол»: здесь однозначно выделяется представленный во всех шести текстах доминантный образ *стол*, но ни один текст не превалирует над другими.

- *Выделяется текстовая, но не выделяется образная доминанта.* В венке сонетов М. Волошина «Corona Astralis» текстовая доминанта представлена магистралом, однако здесь ни один образ не выдвигается в качестве доминирующего.

- *Не выделяется ни образная, ни текстовая доминанта (бездоминантное сверхтекстовое единство).* В лирическом цикле А. Блока «Осенняя любовь» межтекстовые циклообразующие связи выражены слабо, поэтому в этом произведении невозможно выделить ни образную, ни текстовую доминанту.

Пространные (объемные) и многотемные сверхтекстовые единства, такие как книга стихов, включающие большое количество текстов, могут содержать несколько текстовых доминант. Эти доминанты находятся в сложных семантических отношениях друг к другу – взаимодополнительности, со- и противостояния и т.д., но во всех случаях эти текстовые доминанты разрабатывают и реализуют разные аспекты единого смыслового пространства сверхтекстового целого.

3. ДОМИНАНТА В ВЕНКЕ СОНЕТОВ

В отличие от других разновидностей сверхтекстового единства, венок сонетов является единственной формой организации текстов, в которой доминанта является обязательной составляющей.

Канонический венок сонетов состоит из 14 поэтических текстов, связанных между собой таким образом, что последний стих каждого предыдущего сонета повторяется в первом стихе следующего. Последний стих завершающего – четырнадцатого – сонета повторяет начальный стих первого сонета. В результате получается замкнутый круг четырнадцати поэтических текстов *основного корпуса* или *кольца* венка сонетов, связанных друг с другом первыми и последними стихами сопредельных сонетов. Завершает венок пятнадцатый сонет, именуемый *магистралом*, который составлен из первых стихов всех четырнадцати сонетов.

С нашей точки зрения, магистральный сонет является идеальным образцом текстовой доминанты по причинам, которые попробуем обосновать.

Во-первых, магистрал представляет собой смысловую квинтэссенцию венка, максимально полно воплощающий в себе основную идею сверхтекстового целого. Этим определяется *смыслообразующая функция магистрала*, заключающаяся в том, что именно магистрал определяет круг тем, образов и поэтических смыслов сонетов кольца и всего венка в целом. Несколько упрощая, можно сказать, что

тексты основного корпуса представляют собой *развертывание* тем и идей магистрала в четырнадцати других сонетах, равно как и в магистральном сонете представлено *свернутое* выражение образного и концептуального мира всех четырнадцати текстов кольца.

Во-вторых, в магистрале сконцентрированы ключевые образы, определяющие и выражающие тему и концепцию венка сонетов.

В-третьих, магистрал является порождающей системой, продуцирующей все 14 текстов основного корпуса и венок сонетов в целом. Порождающая функция, вернее, порождающая сущность магистрала заключается в том, что построение венка сонетов начинается с создания магистрального сонета, на основе которого затем формируется основной корпус, состоящий из 14 текстов, образующих венковое кольцо. Технически это реализуется следующим образом. Сперва создается сонет, на основе которого должен быть построен будущий венок. Этот сонет и называется магистралом. Затем между каждыми двумя соседними стихами магистрала (первым и вторым, вторым и третьим и т.д.) создается сонет, начальный стих которого представляет собой повторение предшествующего стиха магистрала, а завершается его последующим стихом. Другими словами, между двумя соседними стихами магистрала поэт вставляет текст из 12 стихов, дополняющих его до сонета. Из сказанного следует, что венок сонетов в прямом смысле порождается магистралом, который естественным образом становится текстовой доминантой венка, поскольку все четырнадцать текстов кольца создаются в результате задаваемого автором смыслового напряжения, возникающего между смежными стихами магистрального сонета.

В-четвертых, магистрал является доминантным текстом не только потому, что представляет собой смысловую квинтэссенцию венка, но и по той причине, что целиком состоит из находящихся в «сильной позиции» начальных и конечных стихов сонетов основного корпуса [Арнольд, 1978, с.28-31]. В этом ряду концовка поэтического текста играет особую роль, так как «здесь формулируется итог, поэтическое «открытие», ради которого, собственно, стихотворение было создано» [Сильман, 1977, с.168]. Особенностью венка сонетов является уникальная ситуация, когда начало и конец текстов кольца обратимы в том плане, что поэтический итог и обобщение поэтической ситуации одного сонета становится исходной точкой, с которой начинается следующий сонет венка, разрабатывающий иную поэтическую ситуацию и приводящий к иному поэтическому итогу, сформулированному в концевой части сонета.

Как видно из сказанного, магистрал не только является безусловной доминантой венка сонетов, но и, как было сказано выше, представляет собой наиболее совершенное воплощение самой сущности текстовой доминанты. Такое претворение идеала текстовой доминанты обусловлено конструктивными особенностями венка сонетов и не наблюдается больше ни в одной другой форме сверхтекстовой организации. Текстовые доминанты в лирическом цикле и в книге стихов лишь в большей или меньшей степени могут приближаться к текстовой доминанте венка сонетов, не достигая, однако, той степени взаимодействия доминанты с другими текстами, которая проявляется у магистрала и текстов кольца.

4. ДОМИНАНТА В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ

Лирический цикл – наиболее разработанная разновидность сверхтекстовых единств, интенсивное изучение которой было начато в 60-ых годах XX века усилиями преимущественно российских исследователей. На сегодняшний день существует большое количество определений лирического цикла, однако ни одно из них не является общепринятым. Одно из определений было предложено нами, и оно впоследствии было включено в онлайн «Словарь литературоведческих терминов» [<http://slovar.lib.ru/dictionary/cikllirich.htm>].

Согласно этому определению, лирический цикл – это «объединённое общим заглавием упорядоченное множество самостоятельных поэтических текстов, реализующих разноуровневые межтекстовые связи, благодаря которым порождаются новые смысловые комплексы, не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [Акопян, 1990, с.5].

Приведенное определение, как и все остальные, небезупречно, но мы выбрали его по той причине, что оно дает больше возможностей для представления текстовой доминанты в лирическом цикле. Попробуем обосновать нашу точку зрения.

Поэтические смыслы, порождаемые лирическим циклом, определяются разного рода соотношениями и противостояниями семантических компонентов каждого из составляющих лирический цикл текстов. Эти межтекстовые взаимодействия приводят к возникновению семантического напряжения между поэтическими текстами, благодаря чему возникают поэтические смыслы, образующие идеально-концептуальную составляющую циклового целого. В отличие от венка сонетов, идеально-концептуальная составляющая лирического цикла порождается не отдельным текстом, а взаимодействием всех текстов циклового ряда. Таким образом, носителем поэтических смыслов лирического цикла является не отдельный текст, а те отношения, которые возникают в результате взаимодействия поэтических текстов. Именно поэтому ни один текст лирического цикла, в том числе и текстовая доминанта, не является полноценным воплощением смыслов этого сверхтекстового единства.

Конечно, всякий текст, входящий в состав лирического цикла, безусловно участвует в установлении межтекстовых взаимодействий, тем не менее степень участия текстов в циклообразовании и в осуществлении межтекстовой связности неодинакова. Есть тексты, которые в большей мере, нежели другие, фокусируют в себе идеи и образы циклового целого, составляющие идеально-тематическую и образную основу цикла, но бывают и более периферийные тексты, играющие менее определяющую роль в структуре межтекстовых взаимодействий.

Если в группе «основных» текстов выделяется некоторый текст, который более интенсивно взаимодействует с остальными текстами цикла, чем другие, то в этом случае можно говорить о текстовой доминанте лирического цикла.

Таким образом, текстовой доминантой в лирическом цикле является текст, который заключает в себе основную часть ключевых образов и который вступает в отношения семантического взаимодействия с большей частью поэтических текстов, входящих в состав лирического цикла.

В лирическом цикле текстовая доминанта не выполняет жанрообразующей функции, поэтому в отличие от магистрала венка сонетов наличие доминанты

здесь не является обязательным организующим началом. Из этого следует, что лирическом цикле наличие текстовой доминанты является фактором факультативным, и с этой точки зрения можно выделить два типа лирического цикла: циклы с доминантным текстом и циклы без текстовой доминанты.

Если в лирическом цикле выделяется текстовая доминанта, то доминантный текст становится своеобразным семантическим центром притяжения остальных текстов циклового ряда, когда все тексты цикла направлены на раскрытие и поддержание доминанты и обеспечение образного и смыслового единства цикла. При этом текстовая доминанта часто располагается в начале цикла. Так построены циклы «Звезда Маир» Ф. Сологуба и «Тема с вариациями» Б. Пастернака.

Отсутствие текстовой доминанты предопределяет смысловое равноправие и равнозначность каждого текста в циклообразовании и обуславливает более интенсивные семантические сопряжения между поэтическими текстами, чем в циклах с доминантой. Если в «доминантных» циклах тексты ориентированы на один определенный текст, то в бездоминантных циклах все тексты (с большей или меньшей интенсивностью) ориентированы друг на друга. Образцом бездоминантного цикла является «На поле Куликовом» А. Блока, в котором ни одно стихотворение не выдвигается на фоне других, и все поэтические тексты в одинаковой степени участвуют в формировании образного и идейно-тематического единства этого сверхтекстового образования.

5. ДОМИНАНТА В КНИГЕ СТИХОВ

В отличие от лирического цикла, история изучения которого насчитывает уже без малого целое столетие, в отличие от венка сонетов, к исследованию которого литературоведение обратилось хоть и сравнительно недавно, но с большим энтузиазмом, изучение книги стихов как сверхтекстового единства находится пока еще в стадии становления.

Книга стихов – наиболее монументальное из поэтических сверхтекстовых единств в том смысле, что она стремится к полноте представления художественного мира поэта в определенный период его творческой жизни, поэтому книга стихов обычно охватывает широкий круг поэтических тем и идей. Об этом же писал известный поэт А. Кушнер в своей статье, посвященной книге стихов: «Отражение жизни поэта за какой-то ограниченный промежуток времени <...> слепок с его мыслей и чувств, со всего пережитого им за это время — вот важные особенности поэтической книги» [Кушнер, 1991, с.40]. Именно эта особенность, а не устоявшееся в обыденном сознании представление о большем количестве поэтических текстов в книге стихов, чем в лирическом цикле, отличает друг от друга эти две разновидности сверхтекстовых единств. Как пишет И.В. Фоменко, «если книга стремилась к «всеохватности», претендовала быть выражением целостной личности и даже моделью мира, у цикла была более скромная, частная цель: выразить сложное (а возможно, и противоречивое) отношение только к одной из граней бытия» [Фоменко, 1984, с.12]. Далее он продолжает: «В отличие от цикла, воссозидающего ... систему отношений к определенной сфере жизни, книга стихов претендует на универсализм» [Там же, с.23].

Книга стихов как сверхтекстовая система имеет давнюю историю в европейской и в ближневосточной поэзии, однако регулярные и наиболее

совершенные ее образцы появляются в конце XIX – начале XX вв. Тогда же выявляются и основные разновидности книги стихов, которые условно можно разделить на два типа¹:

- а) Книга стихов как объединение нескольких жанро-тематических разделов.*
- б) Книга стихов как единство отдельных стихотворных текстов.*

Первый тип является наиболее ранней формой композиционной организации сверхтекста. Она встречается уже в корпусах древнегреческих и римских поэтов (Пиндар, Вергилий, Овидий). Распределение стихотворений по жанрово-тематическому принципу характерно и для арабской и персидской традиции составления диванов, в которых поэтические тексты выстраивались в соответствии с их жанровыми параметрами [Blois].

Доминанта в книге стихов этого типа выделяется в пределах данного конкретного раздела, так что каждый раздел потенциально может иметь свою «собственную» текстовую доминанту.

Более интересно проявляет себя доминанта во втором типе книги стихов, представляющем собой неструктурированную композицию поэтических текстов, поэтому именно этот тип будет предметом дальнейших наших разысканий.

В первую очередь отметим, что данный тип книги стихов имеет некоторые точки соприкосновения с лирическим циклом если не в аспекте сходства, то, по крайней мере, в плане основания для сравнения этих двух форм сверхтекстового единства.

Одно из существенных отличий касается статуса поэтического текста в лирическом цикле и в книге стихов. Связано это с тем, что тексты, входящие в цикл, в известном смысле теряют свою самодостаточность, что обусловлено интенсивностью межтекстовых циклообразующих связей, а также центростремительными семантическими силами циклового контекста, ограничивающими полноценную смысловую реализацию этих стихотворений как отдельных самодостаточных текстов.

Поэтические тексты, входящие в книгу стихов, не обладают той напряженностью межтекстовых связей, которая характерна для лирического цикла. Это обусловлено тем, что в книге стихов тексты одной образно-тематической группы представлены не компактно, как в цикле, а неупорядоченно, вперемешку с текстами, входящими в другие образно-тематические группы. «Инородные» тексты, вклинивающиеся между текстами одной образно-тематической группы, разрывают межтекстовые циклообразующие связи, изолируя данный текст и отграничиваая его от группы семантически близких ему произведений. Эта разрозненность текстов способствует тому, что стихотворения, составляющие книгу стихов, получают большую самостоятельность, чем тексты, входящие в цикл. Об этом пишет и Кушнер: «иногда стихотворение даже специально ставится для разрядки напряжения или по контрасту с предыдущим. Важны бывают резкие перепады смысла, взаимные отталкивания» [Кушнер, 1991. С.49-50].

Итак, эта разновидность книги стихов характеризуется явной композиционной неопределенностью в том отношении, что поэтические тексты, обладающие образной, концептуальной и пр. общностью представлены рассредоточенно: они

¹ Более обстоятельное представление типов организации книги стихов см. [Акопян, 2011, сс.9-11].

рассеяны по всему текстовому пространству книги стихов, образуя структурно не оформленные и в контексте книги стихов никак не обозначенные *образно-тематические концентры*.

Концентром книги стихов мы называем композиционно нечетко распределенное множество текстов, имеющих образную и тематическую общность. С этой точки зрения концентр можно рассматривать как *несобранный* или *размытый лирический цикл*². Эта особенность обуславливает не только специфику реализации семантики поэтического текста, о которых было сказано выше, но и своеобразие проявления доминанты в книге стихов.

В частности, говоря о текстовой доминанте в этой форме сверхтекстовой организации, необходимо иметь в виду, что здесь речь может идти лишь о доминанте в пределах данного образно-тематического концентрата. Но так как книга стихов состоит из нескольких образно-тематических концентров, то каждый концентр потенциально может иметь свою текстовую доминанту, и, следовательно, книга стихов как целостное единство может содержать несколько текстовых доминант.

Композиционной неопределенностью концентрата обусловлена и особенность функционирования текстовой доминанты в этой разновидности книги стихов. Не имея ни структурообразующей, ни жанрообразующей, ни какой-либо иной конструктивной функции, текстовая доминанта в книге стихов играет важную смыслообразующую и смыслоорганизующую роль в аспекте выдвижения и экспликации ключевых образов, установления их иерархии, что, в конечном счете, задает и определяет семантику концентрата.

В сверхтекстовом единстве ни один доминантный образ не существует сам по себе, он всегда соотносится с кругом других образов художественного целого. Эта соотнесенность образов может быть единичной, но может иметь и более или менее устойчивый характер. Особенно важное значение устойчивые образные соотнесения для пространных сверхтекстов, таких как книга стихов.

Концентр книги стихов может содержать как одну, так и несколько образных доминант. Наличие двух и более образных доминант не только обеспечивает взаимосвязь некоторого круга поэтических текстов, но и в существенной мере обуславливает смысловую систему концентрата и всего сверхтекстового единства. С этой точки зрения наиболее важное значение для сверхтекстовой связности в книге стихов имеют образные соотнесения, повторяющиеся в разных текстах с определенной частотностью. Эти частотные соотнесения мы обозначили как устойчивые корреляции доминантных образов. Итак, устойчивыми корреляциями мы называем соотнесения нескольких доминантных образов, повторяющиеся в двух и более текстах данного текстового пространства.

Для иллюстрации выдвинутых положений мы обратились к книге стихов Мандельштама «Tristia», в которой в числе других концентров ('Таврида', 'иудейство', 'Петрополь', и др.)³ выделяется и концентр 'ласточка'. Предпринятый нами предварительный анализ доминантного для данного концентрата

² Возможно, что это обстоятельство дало основание И.В. Фоменко рассматривать лирический цикл и книгу стихов как «две основные формы циклизации» и изучать их с общих теоретических позиций [Фоменко, 1984, с.7].

³ Концентр, естественно, не имеет названия, поэтому в исследовательских целях мы дали им условные

образа ласточки показал, что этот образ тесно коррелирует с двумя группами образов, одна из которых связана с темой души, представленной также в ее персонифицированном воплощении (Психея), а другая – с темой смерти, репрезентированной преимущественно образами греческой мифологии (Персефона, бледная жница, мир теней и др.). Эти три доминантных образа – ласточка, Персефона и Психея – выступают вместе лишь в одном тексте концентра (и, естественно, книги стихов) – в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...». Кроме того, здесь больше, чем в каком-либо другом тексте концентра, представлена взаимосвязь и взаимная обусловленность этих образов. Но важнее всего то, что этот текст обладает наиболее высоким экспликационным потенциалом, который позволяет читателю более или менее (в зависимости от его культурной компетенции) адекватно семантизировать другие тексты концентра. Исходя из сказанного, мы рассматриваем стихотворение «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» как текстовую доминанту концентра ‘ласточка’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое в данной работе исследование преследовало две цели.

Первая обозначена в заголовке статьи и связана с особенностями проявления доминанты и ее взаимосвязи с другими произведениями, составляющими сверхтекстовое единство. Наше исследование показало, что взаимодействие доминанты с другими текстами корпуса проявляется с разной степенью интенсивности в зависимости от типа сверхтекстовой организации.

Наиболее энергично доминанта проявляет себя в венке сонетов. Здесь доминантный текст (магистрал) в одинаковой мере и с равной интенсивностью воздействует на все тексты кольца. В венке сонетов доминанта выступает одновременно в жанрообразующей, структурообразующей и смыслообразующей функции, поэтому здесь интенсивность взаимодействия доминанты и сверхтекстового целого наиболее высокая.

В лирическом цикле доминанта (если таковая выделяется в цикле) во многих отношениях определяет семантику других поэтических текстов цикла в том смысле, что диктует им актуализацию тех семантических параметров, которые значимы для циклового целого и редуцируя семантические компоненты, которые для цикла не актуальны, хотя и присущи данному тексту. Таким образом, доминанта в лирическом цикле выполняет структурообразующую и смыслообразующую, но не жанрообразующую роль.

В книге стихов доминанта вбирает в себя ключевые темы и образы концентра, эксплицирует их, но на межтекстовом уровне слабо взаимодействует с концептуально связанными с ней текстами. Это обусловлено характерной для книги стихов пространственной дистанцированностью и топологической неопределенностью как самой доминанты, так и образно и тематически связанных с ней текстов.

Вторая цель обозначена в подзаголовке нашей статьи и заключается в постановке ряда вопросов, которые еще не исследовалась литературоведческой науке, но которые могут открыть интересные перспективы как в изучении самой

обозначения, выделив их «марковскими» кавычками.

доминанты, так и в области поэтики сверхтекстовых единств.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопян, Л.Г., 1990. Лирический цикл как тип текста. В кн.: *Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование)*. Ереван, Изд-во Ереванского ун-та, сс. 5-6.
- Акопян, Л.Г., 2011. Типологическая характеристика сверхтекстовых единств. В кн.: *Материалы Международной конференции "Современная литература в меняющемся мире"*. Ереван, Изд-во РАУ., сс. 9-11
- Акопян, Л.Г., 2022. Лексическая доминанта в поэтическом тексте. *Вестник Ереванского университета. Серия «Русская филология»*. Том 8 № 2 (21) (2022), сс. 3-19. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2022.8.2.003>
- Арнольд, И.В., 1978. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. *Иностранные языки в школе*, 1978, № 4, сс. 28-31.
- Кушнер, А.С., 1991. Книга стихов. В кн.: Кушнер А.С. *Аполлон в снегу: Заметки на полях*. Ленинград: Советский писатель, сс. 35-51.
- Сильман, Т.И., 1977. Концовка лирического стихотворения. В кн.: Сильман Т.И. *Заметки о лирике*. Ленинград: Советский писатель, сс. 168-174.
- Словарь литературоведческих терминов URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/cikllirich.htm> [дата обращения: 10.02.2024].
- Фоменко, И.В., 1984. *О поэтике лирического цикла*. Калинин: Изд-во Калининского ун-та.
- Blois, F. de. Dīvān. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/divan> [дата обращения: 10.02.2024].

REFERENCES

- Hakobyan, L.G., 1990. Liricheskiy tsikl kak tip teksta [Lyrical cycle as a text type]. In: *Semanticheskie i kommunikativnye kategorii teksta: (Tipologiya i funktsionirovanie)* [Semantic and communicative categories of text: (Typology and functioning)]. Yerevan, Yerevan Univ. Publ., pp. 5-6. (In Russian).
- Hakobyan, L.G., 2011. Tipologicheskaya kharakteristika sverkhtekstovykh edinstv [Typological characteristics of supertextual units]. In: *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Sovremennaya literatura v menyayushchemya mire"* [Proceedings of the International Conference "Modern Literature in a Changing World"]. Yerevan: RAU Univ. Publ., pp. 9-11. (In Russian).
- Hakobyan, L.G., 2022. Leksicheskaya dominanta v poeticheskem tekste [The lexical dominant in poetic text]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of Yerevan University. Russian Philology]. Vol. 8 № 2 (21) (2022), pp. 3-19. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2022.8.2.003>. (In Russian).
- Arnol'd, I.V., 1978. Znachenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The importance of a strong position for the interpretation of a fiction text.]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978, № 4, pp. 28-31. (In Russian).
- Kushner, A.S., 1991. Kniga stikhov [Book of poems]. In: Kushner A.S. *Apollon v snegu: Zametki na polyakh* [Apollo in the snow: Notes in the margins]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., pp. 35-51. (In Russian).
- Sil'man, T.I., 1977. Kontsovka liricheskogo stikhhotvoreniya [The ending of a lyric poem]. In: Sil'man T.I. *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., cc. 168-174. (In Russian).
- Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of literary terms]. Available at: <http://slovar.lib.ru/dictionary/cikllirich.htm> [[Accessed 10 February 2024](#)]. (In Russian).
- Fomenko, I.V., 1984. O poetike liricheskogo tsikla [On the poetics of the lyric cycle]. Kalinin: Kalinin Univ. Publ. (In Russian).

Blois, F. de. Dīvān - Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/divan> [Accessed 10 February 2024]. (In English)

ԼԵՎՈՆ ՀԱԿՈԲՅԱՆ – Դումինանտը բանաստեղծական գերտեքստային միասնության մեջ. խնդրի առաջադրում – Հոդվածում առաջին անգամ դիտարկվում է դոմինանտը բանաստեղծական գերտեքստային միասնության հիմնական ձևերում՝ սոնետների պակում, քնարական շարքում և բանաստեղծությունների գրքում:

Գերտեքստային միասնության մեջ դոմինանտի ամենակարևոր հատկանիշը դրա բացահայտման պրոտենցիալ հնարավորությունն է երկու՝ բառապատկերի և տեքստի մակարդակներում:

Պատկերային դոմինանտը հիմնված է բառի/բառակապակցության միջտեքստային կրկնության վրա, ինչն իրենց ներկայացնում է բառապատկերի վերարտադրությունն է տվյալ միասնության երկու կամ ավելի տեքստերում:

Տեքստային դոմինանտը այն բանաստեղծությունն է, որն առավելապես է մարմնավորում գերտեքստային ամբողջության հիմնական թեման, գաղափարն ու իմաստը:

Տեքստային դոմինանտի իդեալական օրինակ է սոնետների պասկի մազհատրալը, որը որոշում է միասնության կառուցվածքային և իմաստային համակարգը: Այլ գերտեքստային ձևերում տեքստային դոմինանտները կարող են ընդամենը այս կամ այն չափով մոտենալ մազհատրալի գործառույթին:

Ի տարբերություն սոնետների պասկի՝ քնարական շարքի գաղափարական և հայեցակարգային բաղադրիչը չի կարող ամբողջությամբ արտահայտվել մեկ առանձին տեքստում, քանի որ այդ բաղադրիչներն արտաջնում են միայն շարքի բոլոր տեքստերի փոխազդեցության շնորհիվ, հետևաբար ոչ մի տեքստ, ներառյալ դոմինանտը, չի կարող լինել ամբողջության իմաստների լիարժեք մարմնավորում: Շարքի մեջ տեքստային դոմինանտը չի կատարում ժանրային գործառույթ, ուստի այստեղ դրա առկայությունը պարտադիր չէ:

Բանաստեղծությունների գրքում ընդգրկված տեքստերը չունեն միջտեքստային կապերի այն ինտենսիվությունը, որը բնորոշ է քնարական շարքին: Որոշակի պատկերային-թեմատիկ խմբին պատկանող բանաստեղծությունները ցրված են ամբողջ գրքում և կազմում են կառուցվածքային առումով չձևավորված պատկերաթեմատիկ համակենտրոններ: Համակենտրոնի կոմպոզիցիոն անորոշությամբ է պայմանավորված այս տիպի բանաստեղծությունների գրքում տեքստային դոմինանտի ինքնատիպությունը: Չունենալով որևէ կառուցվածքային գործառույթ՝ տեքստային դոմինանտը կարևոր իմաստակերտ դեր է կատարում բանաստեղծությունների գրքում:

Բանակի բառեր – դոմինանտ, գերտեքստային միասնություն, միջտեքստային կապեր, սոնետների պասկի, քնարական շարք, բանաստեղծությունների գիրք

LEVON HAKOBYAN – Dominant in Poetic Supertextual Unit: Problem Statement. – The article for the first time raises the question of the dominant in the main forms of poetic supertextual unit - in a crown of sonnets, in a lyric cycle and in a book of poems.

The most important feature of the dominant in a supertextual unit is the potential possibility of its revelation at two levels: at the level of a word image and at the level of the text.

The *word-image dominant* is based on the cross-textual repetition of a word/phrase, that is, a multiple reproduction of a lexical image or its correlates in two or more texts of a given unit.

The *textual dominant* is a poem that most fully embodies the main idea and meaning of the

supertextual whole, and represents a force field that attracts many thematically and conceptually close texts that form a supertextual unit.

The ideal example of a textual dominant is the master-sonnet of a crown of sonnets, which determines the structure-forming and meaning-forming system of the whole. Textual dominants in other supertextual forms can approach only to a greater or lesser extent the function performed by the master-sonnet.

Unlike the crown of sonnets, the ideological and conceptual component of the lyrical cycle cannot be fully expressed in one single text, since it is generated only by the interaction of all the texts of the cyclic series; therefore, no text, including the dominant one, is a full-fledged embodiment of the meanings of the whole. In the cycle, the textual dominant does not perform a genre-forming function, so the presence of a textual dominant here is an optional factor.

Poetic texts included in a book of poems do not have the intensity of intertextual connections that is characteristic of a lyrical cycle. The poems of one conceptual and thematic group are scattered throughout the entire space of the book of poems, forming structurally undetermined conceptual and thematic conceters. The compositional uncertainty of the conceters causes the specificity of the textual dominant in this type of book of poems. Having no other constructive function, the textual dominant in the book of poems plays an important meaning-organizing role in the concenter.

Key words: *dominant, supertextual unit, cross-textual connections, crown of sonnets, lyrical cycle, book of poems*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ВЫСОКИЙ»

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН *
Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу синонимических рядов с семантическим компонентом «высокий» в русском и армянском языках. Подобный анализ помогает выявить глубинные смыслопорождающие процессы, влияющие на смысловую организацию синонимических рядов, а также описать лингвокультурные и лексико-типологические особенности двух индоевропейских языков – русского и армянского. Такие исследовательские методы, как лексикографический анализ синонимических рядов, аппликация словарных статей доминантных лексем, позволяют выявить семантические компоненты и смысловые узлы в структуре лексического значения исследуемой группы слов. Нами проведен лексикографический анализ синонимических рядов слов с семантическим компонентом «высокий» с точки зрения уровня вербализации и длины синонимического ряда этих значений в русском и армянском языках, выявлены семантические компоненты, входящие в состав лексического значения русских и армянских лексем. Выявление и описание подобных особенностей лексем может стать отправной точкой в дальнейшем исследовании лексико-типологических и лингвокультурных характеристик двух языков. В результате проведенного нами лексикографического анализа русских и армянских синонимических рядов с семантическим компонентом «высокий» мы пришли к следующим выводам: 1. Данные ряды различаются по степени синонимической вариативности: армянские синонимические ряды отличают большая вариативность. 2. Степень вариативности находит проявление в длине синонимического ряда: их приблизительное соотношение – 15 лексем в русском языке, 70 лексем – в армянском. 3. Степень вариативности влияет также на семантическую асимметрию смысловой организации синонимического ряда: в армянском языке наблюдается больше смысловых узлов, следовательно, больше семантических компонентов.

Ключевые слова: лексикографический анализ, семантический компонент, смысловой узел, синонимическая вариативность, вербализация

*Рузан Грдзелян – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ

Ռուզան Գրձելյան – բանափրական գիտությունների դոկտոր, պրֆեսոր, ԵՊՀ ուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի վարիչ

Rouzan Grdzelyan – Sc.D. in Philology, Professor, Head of Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication, YSU

Эл. почта: ruzan.grdzelyan@ysu.am. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6302-7871>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 14.01.2024

Рецензия: 14.06.2024

Одобрено: 20.11.2024

© The Author(s) 2024

Введение. Лексико-типологические и семантико-сопоставительные исследования являются *актуальным* направлением современной лингвистики. Они направлены в конечном итоге на создание всеобъемлющего сопоставительного и лексико-типологического описания русского и армянского языков, а также общей теории лексической типологии. *Научная новизна* исследования обусловлена отсутствием русско-армянского сопоставительного описания отдельных групп лексем. Между тем, описания лексических особенностей отдельных слов необходимы для дальнейших исследований не только в области сопоставительной лексикологии, но также в области теории перевода, лингвокультурологии, методики преподавания языков. Однако *целью* исследования является не только выявление и описание характерных для каждого из языков семантических различий конкретных лексем, но и выявление общих семантических закономерностей, механизмов смыслопорождения, необходимых для создания общей теории лексической типологии. Для достижения поставленных задач нами использованы такие *исследовательские методы*, как лексикографический анализ и извлечение из словаря семантической информации, аппликация словарных статей.

Синонимические ряды с семантическим компонентом ‘высокий’. Самое поверхностное сравнение лексико-семантических систем двух или нескольких языков приводит к мысли о существовании глубинных лексических, семантических и словообразовательных процессов, которые влияют на структуру и смысловую организацию лексических категорий, а в конечном итоге – на формирование определенного языкового типа.

С этой точки зрения интересно сопоставление областей синонимического варьирования в двух языках. Как известно, языки неравномерно развиваются синонимическое варьирование в различных областях своего словарного состава, что, вероятно, обусловлено как чисто языковыми причинами, так и pragmaticальными [Филлмор, 1983, с. 35]. Естественно, что при различном диапазоне такого варьирования будет отличаться и степень смыслового варьирования, смысловой нюансировки.

В связи с этим возникает и второй вопрос – кроется ли природа такой вариативности только в особенностях языковых механизмов или же является следствием этно-ментальных особенностей? Ведь, по сути, синонимический ряд представляет собой единый концепт, который имеет несколько вербальных форм проявления. Однако конфигурация этого концепта может варьироваться от языка к языку.

Рассмотрим с этой точки зрения концепт ‘высокий’, который имеет разное в количественном отношении вербальное выражение в русском и армянском языках. Чем обусловлена такая «вербальная асимметрия»? Отражается ли она на качестве концепта ‘высокий’? Иначе говоря, какова природа расхождений – только ли вербальная или также концептуальная? Если это только вербальные расхождения, то концепт может дополнительно выражаться словосочетаниями, языковыми и поэтическими метафорами, разного рода прецедентными или устойчиво употребляющимися высказываниями, бытующими в дискурсе. При концептуальном же расхождении иные, нелексические, средства выражения определенного концепта также будут отсутствовать.

Используя данные ряда синонимических словарей, представим в обобщенном виде русские и армянские синонимы с семантическим компонентом ‘высокий’.

Таблица 1

ВЫСОКИЙ

1. Высоченный (прост.); высокущий, горний (архаич.) / о человеке: высокого (или большого) роста, высокорослый, рослый; долговязый, длинный (разг.) / о высоком человеке мощного сложения: ражий, дюжий (прост.)
2. о звуке: тонкий
3. о чувстве, цели: благородный, возвышенный, высокий, святой, священный; горний (архаич.)
4. о местности: возвышенный, высокий; выспренний, высокотечный (архаич.)

Таблица 2

ԲԱՐՋՌ BARJ'R (здесь и далее нами будет использована транслитерация Хюбшмана-Мейе, скорректированная по стандартам Unicode)

1. Քարձաքարձը barj'rabarj'r, քարձաքերձ barj'raberj', քարձածիզ barj'raj'ig, քարձահնուն barj'rahon, քարձականգուն barj'rakangun, երկնաբարձ erknabarj', երկնաբեր erknak'er, երկնաբերձ erknak'erj', երկնածրաբ erknaclar, երկնակատար erknakatar, երկնամուխ erknamux, երկնապաց erkñaslac', երկնահասу erknahas, երկնակարկան erknakarkań, երկնածայր erknaçayr, երկնածիզ erknaç'ig, երկնադէտ erknadet, երկնասույզ erknasuјz, ամպահսу amphas, ամպահարկ amphark, ամպածրաբ ampacrar, ամպահերձ amphalerj', աստղահսу astgahas, աստղամերձ astgamerj', վերամբարձ verambarj', հսկայաբերձ hskajaberj', հաղթաբերձ hağt'aberj' / o շեռական: Քարձահասակ barj'rahasak, երկարակազմ erkarakazm, պարթևահասակ part'evahasak, հաղթանդամ hağt'andam, երկար erkar, մէծ mec, մէծահասակ mecahasak (редкое), բոյով-բուսաթով boyov-busat'ov, բոյով-սոյով boyov-soyov, լոլով loloz (разг.)
2. o չեյկ: քարձածայն barj'raj'ajn, քարձալուր barj'alur, քարձահնչյուն barj'rahñč'yun, քարձահունչ barj'rahunč', քարձաբարբար barj'abarbař, քարձահնչակ barj'rahñč'ak, քարձագոն barj'ragoč', քարձագոն barj'agoř, քարձագորդոն barj'ragorgoř, քարձականչ barj'rakanč', որոտածայն vorotaj'ayn, մէծածայն mecaj'ayn, մէծաբարբար mecabarbař, մէծագոն mecagoč', ուժգնածայն užgnaj'ayn
3. o չւետե, չելո: վեհ veh, վես ves, վեմ vsem, վեհապանծ vehapanc, սիզապանծ sigapanc, փառապանծ p'ařapanc, մէծապանծ mecapanc, քարձասեզ barj'aseg, վեհաշուր vehašuk', մէծաշուր mecašuk', քարձաշուր barj'ashuk'
4. o չափականականութեան: քարձագազար barj'ragagat', քարձակատար barj'akatar, քարձագլուխ barj'raglux, քարձագահ barj'ragah, քարձածայր barj'racajr, քարձանիստ barj'ranist, քարձագմբեթ barj'ragmbet', արծվագահ arcvagah (поэт.)
5. վերև verev, վեր ver, վերին verin

При самом беглом знакомстве с данными синонимическими рядами становится понятным, что, по крайней мере, по ряду параметров они достаточно различны. Меньшая степень синонимической вариативности русского слова «высокий» и, наоборот, – большая степень синонимической вариативности соответствующей армянской лексемы; разный способ словообразования – преимущественно суффиксально-префиксальный в русских синонимических рядах и преимущественное соединение двух корневых основ в армянских синонимичных лексемах. Следствием указанных различий является разнообразие внутренней формы армянских лексем в противоположность их русским соответствиям.

Наблюдаемые различия, в целом, определяют направление анализа, призванного выявить причины подобных типологических различий. Такой анализ должен быть направлен на выявление и описание разного типа связей между исследуемыми лексемами, а также установление тех критериев, по которым различается семантика и смысловая организация лексем двух языков. Целесообразно также рассматривать в комплексе сразу все синонимические ряды многозначного слова, поскольку смысловые связи между ними очевидны.

Но при этом необходимо выбрать и обосновать тип анализа. Объектом нашего рассмотрения является не отдельное слово, а группа слов, объединенных общим элементом смысла. Подобные группы могут представлять собой такие образования, как синонимический ряд, лексико-семантическое поле, тематическая группа, кластер.

Рамки синонимического ряда ограничены и формально, и содержательно одной частью речи и меньшим набором сем, поэтому анализ слов в пределах синонимического ряда может стать лишь составной частью анализа более широкого образования слов – синонимически-антонимических и тематических групп, а также семантических полей и кластеров.

Апликация словарных статей лексем «высокий» и «քաշը» *barj’r*. Указанные лексемы являются доминантами большинства рассматриваемых синонимических рядов, следовательно, содержат ключевые семы и выражают смысловую основу ряда. Именно по этой причине важно выявить и сопоставить их значения. Это позволяет использовать *метод аппликации* (наложения) двух словарных статей [Хроленко, 2008, с. 167].

Русское прилагательное «высокий», по данным словарей [Ожегов 2012, МАС, 1981—1984], имеет семь значений. Армянское же слово «քաշը» *barj’r*, по данным «Толкового словаря современного армянского языка» Эд. Агаяна [Աղյուսի, 1, 1976], имеет семнадцать значений. При существенном количественном расхождении рассматриваемые слова передают приблизительно один и тот же набор значений. Опираясь на лексикографические данные, можно выделить следующие смысловые узлы: параметрическая семантика, оценочно-формирующая семантика, семантика конечной фазы.

Параметрическая семантика. Прилагательные «высокий» и «քաշը» *barj’r* относятся к классу параметрических прилагательных и выражают соответствующие значения: (а) имеющий большую протяженность снизу вверх –

*высокий дом / рост, высокая гора, высокие потолки, ршрՃр տներ / Երիւշարդ barj'r tner / eritasard; (б) далеко расположенный от поверхности земли в направлении снизу вверх – высокие облака, ршрՃр թռիլք barj'r t'fič'k'; (в) расположенный выше уровня моря, а также на значительном расстоянии вверх от какого-либо уровня – высокая местность, ршрՃр աշխարհ barj'r ašxar (здесь и далее приводимые контексты см. также в • ВАНК; • НКРЯ). Ср.: Вошла **высокая**, полная, немолодая дама в роскошном платье (Э. Радзинский); На афишиах была нарисована прекрасная женщина с **высокой** прической, огромными синими глазами... (Е. Гришковец);*

Оценочно-нормирующая семантика. В эту группу значений входят те, которые передают некоторое качество, превышающее норму, некий средний уровень. Поэтому такое качество часто квалифицируется как признак значительный. Ср. следующие значения: (а) превышающий средний уровень, среднюю норму, большой, значительный по количеству, силе – *высокое давление, высокий урожай, ршрՃр ճնշում / բերք / լարում / զներ barj'r čnšum / berk' / larum / gner;* (б) выдающийся по своему значению, очень хороший по качеству, очень важный, почетный, отличный – *высокое мастерство, высокая оценка / ответственность / награда, ршрՃр պարզեցից barj'r pargev;* (в) полный глубокого, необыкновенного содержания; возвышенный – *высокий порыв, ршрՃр գաղափար / մարդ / մշակույթ;* (г) о языке: приподнятый, торжественный – *высокий стиль / слог, ршрՃр ուժավայրէ barj'r voč;* в армянском языке также (д) громкий, громко, громким голосом – *րшրՃր կարծիք / ծղրիպատճեն barj'r kardal / cğrtal.* Ср.: Константин Азадовский подготовил по самым **высоким** академическим меркам и издал переписку двух выдающихся филологов за 1944 – 1954 годы (В. Селезнёв); Но я не учел, точнее, не мог предположить, что договориться с очень **высоким** начальством будет легче, чем с моим непосредственным (Ю. Сенкевич); И, намекая на ее **высокое** и древнее происхождение, они объявили ей, что она Володимирская принцесса, то есть наследница древних русских правителей (Э. Радзинский); А в Анатолии я увидел редчайший для **высоких** сфер случай, просто чудо, что человек не одичал, не запродался, как иные, а сохранил живую душу (А. Приставкин); Բայց ոչինչ, ոչինչ չի երևում, նույնիսկ միմյանց շուրջը պատվիր և մրցմանք միմյանցից րшրՃր սահող արծիվները, կարծես անհետանում են և չքանում / Շիրվանզադե: Բայց տիկինը րшրՃր շրջաններից է. Ա. Պետերովորդում նշանավոր ազգականներ ու քարեկամներ ունի, որոնք նույնպես նշանավոր պաշտոններ են վարուս / Մաֆֆի: Ապա սկսեցին կլասիկ համարել բոլոր մեռած գրողներին, հետո միայն այն գրողներին, որոնք օրինակելի են իրենց գրական րшրՃր հատկություններով / Սորյան:

Семантика конечной фазы. Данная группа значений зафиксирована в армянской лексикографии: самая высокая точка некоторого предмета или тела (ср. русские лексемы *верхушка, макушка*); (б) находящийся выше окружающих предметов – *ծառի րшրՃր ճյուղերը caři barj'r շուղեր, շենքի րшրՃր հարկերը šenk'i barj'r harkerə;* (в) находящийся на верху служебной лестницы – *րшրՃր*

պաշտոն / դիրք բայր՝թաթոն / dirk’; (г) последний этап учебы (старшие классы, курсы) – *բարձր դասարաններ բայր՝թաթոններ*. Ср.: *Լուսաբացին աղբարձրով օրինություններ հղեցին Արեգ աստծուն և իշխան մի խոր ձոր Արեգ աստծու լոգարան Արփի զետը ձերմակ ու անհանգիստ վիճում էր զազարներին դեռ ձյուն մնացած Սիսականի բարձր լեռներից /У.Խանզադյան/:* *Մենք բոլոր ազնիվ մարդիկ ենք, և մեր քաջավորության շահը ամեն բանից բարձր է մեզ համար /Խ.Դաշտենց/:*

Техника наложения словарных статей помогает выявить различия в семантике и в употреблении двух межъязыковых синонимов. В данном случае эти различия не столь явные. В первую очередь это касается количества выделяемых значений: в русских толковых словарях их около семи, в армянских – около семнадцати. Однако подобные расхождения во многом связаны с характером детализации конкретных значений, с их вычленением из общей семантики слова. При этом подобная разница наблюдается также в лексикографическом описании слова и в пределах одного языка (достаточно сравнить словарные статьи «высокий» в Словаре С.И. Ожегова и в МАС) [Ожегов 2012, МАС, 1981—1984]. Сравнение словарных статей с этой точки зрения более эффективно при анализе лексического значения конкретной лексемы и разграничении отдельных его компонентов, однако оно не всегда способствует выявлению набора семантических компонентов межъязыковых синонимов. Для решения этой задачи целесообразнее выявлять смысловые узлы в общей семантике лексемы. Под смысловым узлом мы понимаем группу значений с общим компонентом смысла.

С учетом данных факторов можно выявить разницу в семантике прилагательных «высокий» и «брьдр» *բայր՝թ*. Семантический объем армянской лексемы несколько больше ее русского аналога (в том числе и за счет частеречной диффузности). Во-первых, семантика армянской лексемы включает компонент ‘громкий’, и если по-армянски говорят *բարձր ձայնով խոսել բայր՝թ յանով խօսել / kardal* [говорить / читать высоким голосом], то по-русски, в зависимости от контекста или ситуации, можно сказать *говорить громким голосом, читать громко / громче / вслух*. Ср.: *Նա ականջի բարձր ձայնով աղաղակեց ու սիսց. «Մուեցել է այդ բարձրը պատմելու ժամը» /Հին կուտական/:* Рассмотренное значение в русском языке отсутствует, однако находится в рамках семантического узла «оценочно-нормирующая семантика» (при этом музыкальный термин «высокий голос» есть в обоих языках и находится за пределами указанной группы значений).

Во-вторых, в армянском языке, в отличие от русского, выделяется смысловой узел «семантика конечной фазы», включающий четыре значения. Отсутствие данного смыслового узла в структуре лексического значения русского прилагательного *высокий* не свидетельствует об обязательном отсутствии входящих в этот узел значений, однако говорит о разных способах концептуализации этого участка действительности. Так, например, значение ‘находящийся выше окружающих предметов’ присутствует и у русской лексемы, однако интерпретируется исключительно в рамках параметрической семантики, ср. *высокие кроны деревьев / этажи дома*. При этом в подобных употреблениях наблюдаются компоненты оценочно-квалифицирующей семантики. Так, например, выражение *квартира на высоком этаже* определяет не только

дислокацию квартиры, но также те или иные ее оценочные качества. Значение ‘находящийся на вершине служебной лестницы’ не зафиксировано в толковых словарях современного русского литературного языка, однако известны такие употребления, как *высокое начальство, занимать высокие должности / посты*. Два других значения – «самая высокая точка тела или предмета», «последний этап учебы» у русского прилагательного *высокий* отсутствуют, что, вероятно, свидетельствует об отсутствии или минимальной представленности в русском слове *высокий* семы ‘конечный, предельный’. В армянской же лексеме *rшրդ barg'*г концептуализирована семантика предельности, предела, конца. Армянское языковое сознание вкладывает в понимание данного параметрического прилагательного, в том числе и идею предела, тогда как русскому языковому сознанию ближе идея бесконечности, устремленного ввысь беспредельного пространства. Подобные различия едва уловимы и, по всей вероятности, не существенны для словаупотребления, однако могут послужить ключом к объяснению скрытых механизмов смыслообразования.

Длина синонимического ряда. Количество соотношение синонимов, наряду с другими параметрами, свидетельствует об относительно высокой или низкой степени синонимического варьирования. Как уже было отмечено, с этой точки зрения, рассматриваемые русский и армянский синонимические ряды неравноценны: количество синонимов для прилагательного *высокий* равно примерно 15 лексемам, тогда как приблизительное количество синонимов прилагательного *rшրդ barg'*г – 70 лексем.

Отметим, что представленные количественные данные не претендуют на абсолютную точность. По всей видимости, такое точное исчисление и невозможно, особенно в армянском языке, где наиболее активным способом образования новых слов является словосложение, а следовательно, с большей легкостью могут подвергнуться лексикализации самые разные сочетания смыслов, а основы, задействованные в образовании синонимов, в свою очередь, имеют большие комбинаторные возможности. Однако выявление точного количества синонимов для нас не принципиально, поскольку оно может колебаться от словаря к словарю или вовсе не подлежать точному исчислению. Для нашего исследования несущественно также рассмотрение каждого из синонимических рядов многозначного слова в отдельности, поскольку взятые вместе, они образуют единое смысловое пространство, кластер с интегральной семой ‘высокий’, что и является объектом нашего рассмотрения.

Итак, количественное соотношение русских и армянских синонимических лексем не пропорционально, что позволяет предположить разную степень синонимической и смысловой вариативности исследуемых слов. Однако нельзя также и не учитывать, что как синонимическая, так и смысловая вариативность может зависеть и от других параметров, что требует отдельного исследования.

Выводы

В результате проведенного нами лексикографического анализа русских и армянских синонимических рядов с semanticским компонентом ‘высокий’ мы пришли к следующим выводам:

1. Данные ряды различаются по степени синонимической вариативности: армянские синонимические ряды отличает большая вариативность.
2. Степень вариативности находит проявление в длине синонимического ряда: их приблизительное соотношение – 15 лексем в русском языке, 70 лексем – в армянском.
3. Степень вариативности влияет также на семантическую асимметрию смысловой организации синонимического ряда: в армянском языке наблюдается больше смысловых узлов, следовательно, больше семантических компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восточноармянский национальный корпус (ВАНК). URL:

http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru [дата обращения: 10. 01. 2024]

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [дата обращения: 10. 01. 2024]

Ожегов, С.И., 2012. *Толковый словарь русского языка*. 28-е изд. перераб. Москва: Мир и Образование: ОНИКС.

Словарь русского языка, 1981-1984. Тт. 1-4 / А.П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык.

Толковый словарь русского языка, 1935-1940. Тт. 1-4 /Д.Н. Ушаков. Москва: Советская энциклопедия.

Филмор, Ч., 1983. Об организации семантической информации в словаре. В кн: *Проблемы и методы лексикографии*. НЗЛ, вып. 14. Москва: Прогресс, сс.23-60.

Хорленко, А.Т., 2008. *Основы лингвокультурологии*. 4-е издание. Москва: Флинта-Наука.

Աղյան, Է., 1976. *Արդի հայերենի բացատրական բառարան*. Երևան, Հայաստան:

Մալխասեանց, Ս., 1944-194. *Հայերէն բացատրական բառարան*. Երեւան, Հայկական ՍՍՌ Պետական Հրատարակչութիւն:

Աւետիքեան, Գ., Սիրմելեան, Խ. և Աւգերեան Ս., 1981, *Նոր բառզիրք Հայկագեան լեզուի*. Հհ 1-4. Երևան, Երեւանի պետական համալսարանի հրատարակչություն:

REFERENCES

Vostochnoarmjanskyj natsional'nyj korpus (VANC) [Armenian National Corpus] URL: http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru [Accessed: 10 January 2024]. (in Armenian)

Natsional'nyj korpus russkogo yazyka (NKRYa) [Russian National Corpus] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [Accessed: 10 January 2024]. (in Russian).

Ozhegov, S.I., 2012. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28-nd ed. Moscow: Mir i Obrazovanie, ONIKS Publ. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka [Russian Dictionary], 1981-1984. Vv. 1-4 / A.P. Evgen'eva, 2-nd ed. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (in Russian).

Tolkoveryj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language], 1935-1940. Vv. 1-4 /D.N. Ushakov, Moscow: Sovetskaja jenciklopedija Publ. (in Russian).

Fillmore, Ch., 1983. Ob organizacii semanticheskoy informacii v slovarje [On the Organization of Semantic Information in a Dictionary]. In: *Problemy i metody leksikografii*.

- NZL, v. 14. Moscow: Progress Publ., pp.23-60. (in Russian).
- Khrolenko, A.T., 2008. *Osnovy lingvokulturologii [Fundamentals of linguoculturology]*. 4-th ed. Moscow: Flinta-Nauka Publ. (in Russian).
- Aghayan, E', 1976, *Ardi hayereni bacatrakan bar'aran [Explanatory Dictionary of the Modern Armenian Language]*. Erevan: Hajastan Publ. (in Armenian).
- Malkhaseanc, S. *Hayere'n bacatrakan bar'aran [Explanatory dictionary of the Armenian language]*. Erevan: Armenian SSR State Publ., 1944-1945. (in Armenian).
- Avetikean, G., Sjurmeean, Kh. and Avgerean M., 1981. *Nor bar'girq Hajkazean lezui [Explanatory Dictionary of the Ancient Armenian Language]*. Vv. 1-4. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ. (in Armenian).

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐՉԵԼՅԱՆ – «Բարձր» իմաստային տարր ներառող հոմանիշների շարքերի բառարանագիտական վերլուծությունը ոուսերենում և հայերենում – Հոդվածում տիպարանական-զուգորդական վերլուծության են ենթարկվում «բարձր» իմաստային տարր պարունակող հոմանիշների շարքերը: Նման մոտեցումը միտված է վերծանելու հոմանիշների շարքերի իմաստային կազմավորման վրա ազդեցություն գործող խորպային իմաստների ձևափորման ուղիները: Հոդվածում նկարագրված են նաև հնդեվրոպական երկու լեզուների՝ հայերենի և ոուսերենի լեզվամշակութային և բառատիպաբանական առանձնահատկությունները: Այնպիսի հետազոտական հնարքներ, ինչպիսիք են հոմանիշների շարքերի բառարանագիտական վերլուծությունը, դրմինանու բառերի բառահոդվածների ապլիկացիան (զուգորդությունը, համեմատությունը) թույլ են տալիս վերծանել հետազոտվող բառախմբի բառիմաստների կառուցվածքում առկա իմաստային տարրերը և հանգույցները: Բառույթների նման հատկանիշների վերծանումը և նկարագրությունը կարող են ելակետ լինել հայերենի և ոուսերենի բառատիպաբանական և լեզվամշակութային հետազա ուսումնափորությունների համար: Հայերենի և ոուսերենի այս հոմանշային շարքերի բառարանագիտական վերլուծության արդյունքում հեղինակը հանգում է հետևյալ եզրակացությունների: 1. Տվյալ շարքերը տարբերվում են հոմանիշների փոփոխականության աստիճանով. հայերենում այն առավել բարձր է: 2. Վերլուծվող հոմանիշների փոփոխականության աստիճանը ազդում է հոմանիշների շարքի երկարության վրա: Մոտավոր հարաբերակցությունն է՝ 15 բառույթ ոուսերենում և 70 բառույթ հայերենում: 3. Փոփոխականության աստիճանը ազդեցություն է գործում նաև հոմանիշների շարքի իմաստային կազմավորման վրա: Հայերենում առավել շատ են իմաստային հանգույցները, հետևաբար ավելի շատ իմաստային տարրերը:

Բանալի բառեր – բառարանագիտական վերլուծություն, իմաստային տարր, հոմանիշների փոփոխականություն, բառացիացում (վերալիզացիա)

ROUZAN GRDZELYAN – Lexicographical Analysis of Russian and Armenian Synonymous Series with the Semantic Component ‘High’. – The article is devoted to a comparative typological analysis of synonymous series with the semantic component ‘high’ in the Russian and Armenian languages. Such an analysis helps to identify deep meaning-generating processes that influence the semantic organization of synonymous series, as well as to describe the linguocultural and lexicotypological features of two Indo-European languages - Russian and Armenian. Research methods such as lexicographic analysis of synonymous series and application of dictionary entries of dominant lexemes make it possible to identify semantic components and semantic nodes in the structure of the lexical meaning of the group of words under study.

Identification and description of such features of lexemes can become a starting point in further research into the lexical-typological and linguistic-cultural characteristics of the two languages. As a result of our lexicographic analysis of Russian and Armenian synonymous series with the semantic component ‘high’, we came to the following conclusions: 1. These series differ in the degree of synonymous variability: Armenian synonymous series are distinguished by greater variability. 2. The degree of variability is manifested in the length of the synonymous series: their approximate ratio is 15 lexemes in Russian, 70 lexemes in Armenian. 3. The degree of variability also affects the semantic asymmetry of the semantic organization of the synonymous series: in the Armenian language there are more semantic nodes, therefore, more semantic components.

Key words: *lexicographic analysis, semantic component, semantic node, synonymous variability, verbalization*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ГНЕВА В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

ГАЯНЕ ОГАНЕСЯН *

Ереванский государственный университет

Аннотация. В работе рассматривается повесть Л.Н. Толстого «Отец Сергей» и выраженная в ней тема гнева. Мы рассматриваем тему в рамках понятия семантического поля. В пределах художественного произведения семантическое поле намечает тенденцию к расширению и контекстуальной обусловленности. Обращаясь к опыту ученых, прежде исследовавших подобные темы, мы заимствуем у них понятие текстового семантического поля, которое возможно использовать как инструмент для нашей работы. Мы видим, что семантическое поле способно трансформироваться в тексте. Семантическое поле в художественном тексте выходит за рамки использования привычного для него инструментария (синонимии, деривации) и обретает трансформационный потенциал, свойственный речевой органике. Это прежде всего находит свое выражение в расширении границ поля. Расширение происходит за счет лексики (вхождения неожиданных для поля лексем), но также план семантического выражения распространяется на синтаксис и проявляется в изменении темпа, интенсификации (частоты употребления, повтора), сочетаемости. Гнев – важная характерологическая черта персонажа. Он как описание присутствует на подавляющем по величине отрезке текста. Возможности для выделения этой темы и ее рассмотрения мы видим и в плане наполнения текста (семантики, смысла, подтекста, метафорики), и в плане выражения, что подкрепляется подсчетом, количественным сравнением. Эта тема соседствует и пересекается в повести с другими темами и вкупе создает богатый, трагически описанный образ человеческой судьбы.

Ключевые слова: «*Отец Сергей*», семантическое поле, гнев, текстовое семантическое поле, контекст, смиренение, исключительность, лексика, синтез

Введение

При исследовании повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» выделяется важная черта персонажа – его вспыльчивость, которая имеет большое влияние на жизнь героя и линию его поведения. Соответственно тема находит выражение в языке описания в виде семантического поля. В его центре находятся лексемы *вспыльчивость* и *гнев*. Разрастание поля происходит за счет слов различной

* Гаяне Оганесян – преподаватель кафедры русского языка ЕГУ

Գայանե Հովհաննեսյան – ԵՊՀ ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս

Gayane Hovhannesyan – Lecturer at the Chair of Russian Language, YSU, Yerevan, RA

Эл. почта: gayane.hovhannesyan@ysu.am, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6320-8988>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 19.06.2024

Рецензия: 23.06.2024

Одобрено: 20.11.2024

© The Author(s) 2024

частеречной принадлежности, имеющих общий семантический признак, их дериваций и метафорического употребления.

Рассмотрение семантического поля внутри художественного произведения имеет свою специфику. Внутри произведения – это означает прежде всего внутри контекста. Семантическое поле в контексте художественного произведения имеет тенденцию к расширению, слово обретает новый потенциал в силу своих внутритекстовых связей. На примере «Отца Сергия» мы увидели, что чувство гнева может пересекаться с чувством смирения, монашеского послушания. Такое происходит, когда светский лев князь Касатский решает обратиться в монахи. Надев рясу, он проходит лишь внешнее преобразование, внутри он остаётся тем же гневливым князем и интенсивность переживаний в нём та же, что и при переживании гнева, пусть теперь это так называемая радость от смирения и послушания.

Ученые, исследуя функционирование семантического поля в художественном произведении, выдвигают понятие *текстового семантического поля*. Этот термин вбирает в себя обозначение тех трансформаций, которые текст привносит в привычное, традиционное понимание семантического поля, создавая «вымысел принципиально новой реальности» [Тюпа, 2009, с.30].

В контексте произведения семантические поля влияют друг на друга, способны доминировать и создавать в прозе определенный ритм посредством тех или иных схем употребления (частотности, повторов, словообразовательных и синтаксических дериваций).

Основная часть

Ученые говорят об «индивидуальной обусловленности и варьируемости поля» внутри текста [Караулов, 2010, с.269]. Семантическое поле текста является отражением языковой картины мира автора. Ю.Н. Караулов пишет о несовпадении границ полей «как между языками, так и в пределах одного языка – между полями у разных носителей» [Караулов, 2010, с.255]. Семантическое поле целесообразно рассматривать не только с точки зрения его системных характеристик, но и с точки зрения отображения авторской рефлексии в тексте.

Рассматриваемое нами семантическое поле гнева может быть одним у Толстого и совершенно другим у какого-либо другого писателя. Кроме этого, оно может быть одним в повести «Отец Сергий» и другим в романе «Анна Каренина». Индивидуальность семантического поля в тексте диктует языковое, окказиональное новаторство, нетипичные словообразовательные и синтаксические модели. Говоря о проявлении личности автора в тексте, В.П. Белянин выделяет понятие *эмоционально-смысловой доминанты*, под которой имеется в виду «система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для автора текста как личности, и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [Белянин, 2022, с.62].

Хотя в самом произведении первым встречается слово «вспыльчивость», для названия поля мы выбрали «гнев», поскольку это слово шире по своему семантическому охвату. Например, в семантику гнева может входить то, что человек *делается зверем*. Что касается остальных выделяемых нами элементов семантического поля, то мы выбираем их из текста по принципу «наличия в

значении общих компонентов или общей направленности описания» [Попова, 1989, с.64], а также по принципу синонимии, гипонимии и оппозиции. Семантическое поле выделяется также на основе своей контрастной противопоставленности другой теме, в частности, теме смирения и послушания, характеризуемой соответствующей лексикой.

Противоположное семантическое поле имеет свои границы и одновременно вступает с другим полем в связи и пересечения. К центру семантического поля мы относим слова, присутствие которых очевидно в поле (например, синонимы *гнев* и *вспыльчивость*), а к периферии – слова, имеющие в различную деривационную, словообразовательную, синтаксическую и контекстуальную обусловленность. Например, *по поведению образцовый кадет, замечательно правдив* – на первый взгляд свидетельства безупречности Касатского, но с другой стороны характеристики гиперболические, создающие эффект тревожного ожидания.

Л.Н. Толстой в одном из своих писем пояснял смысл повести «Отец Сергий»: «Борьба с похотью тут эпизод; главная борьба с другим – с *славой людской*» [Толстой, 1953, с.310]. Честолюбие – главный порок князя Касатского. Его характер – добиться во всем наивысшего успеха, лучших результатов. Эта черта проявляется в сравнении князя с сестрой: «*Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, как и брат, понимала его*» [Толстой, 1953, с.201]¹. Для честолюбивого человека нет ничего более тяжело переносимого, нежели неудача, фиаско. Гнев – внешнее проявление этой эмоции. Именно эта черта портит *блестательный* облик Касатского: «Кроме того, и по поведению он был бы образцовым кадетом, если бы не его *вспышки гнева*» [195]. Подобная характеристика персонажа вводится в начале повести и задаёт тон. Далее Толстой продолжает: «Он не пил, не распутничал и был замечательно правдив. Одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него *вспышки гнева*, во время которых он совершенно терял самообладание и делался зверем» [196]. Обратим внимание здесь на повторение слова *образцовый*, которое является частью характеристики *блестательности* князя. Исследователи обращают внимание на сложный коннотативный характер приведенных описаний и считают их семантической и стилистической новацией Толстого. Д.А. Романов пишет о них: «Во многих произведениях Толстого, начиная с самых ранних, второй половины 1850-х гг., эти традиционно мелиоративные по оценочности прилагательные приобретают явно отрицательную коннотацию. Это одна из устойчивых черт языка писателя» [Романов, 2019, с.156]. Наращивание темы блестательности создает эффект тревожного ожидания (мы говорили о нём выше), который развенчивается в описании гнева князя. Приведём абзац, в рамках которого переключаются две темы, деля его на две половины: первая – блестательность Касатского, вторая – его гневливость:

*Одно, что мешало ему быть образцовым, были находившие на него *вспышки гнева*, во время которых он совершенно **терял самообладание и делался зверем**. Один раз он чуть не выкинул из окна кадета, начавшего трунить над его коллекцией минералов.*

¹ Далее текст повести цитируется по приведенному изданию с указанием в скобках только страницы. Все шрифтовые выделения в цитатах принадлежат автору статьи.

*Другой раз чуть было не погиб: целым блюдом котлет **пустил в эконома, бросился на офицера, и, говорят, ударил его за то, что тот отрекся от своих слов и прямо в лицо солгал. Его наверно разжаловали бы в солдаты, если бы директор корпуса не скрыл все дело и не выгнал эконома** [196].*

Абзац со своим симметричным построением внешне отображает разделение в характере Касатского на блестательность и резкие ее переходы в гнев.

Как же в повести выстраивается семантическое поле гнева? Если попытаться показать соотношение положительных и «гневных» характеристик князя на материале приведенного абзаца, то этот список в каждой своей части будет включать равное количество характеристик, по 10 в каждой: 1) блестящие способности, огромное самолюбие, первый по наукам, выше обыкновенного рост, красив, ловок, по поведению образцовый кадет, не пил, не распутничал, замечательно правдив и 2) вспыльчивость, вспышки гнева, совершенно терял самообладание, делался зверем, чуть не выкинул кадета, чуть было не погиб, блюдом *пустил в эконома, бросился на офицера, ударил его, из-за него выгнали эконома*. Эта борьба сопровождает князя на протяжении его пути к добродетели. Мы видим, что ему очень сложно дается монашество: честолюбие и гнев преследуют его. Рассмотрим проявление и выражение в тексте семантического поля гнева. Оно включает в себя слова различной частеречной принадлежности, что показывает широкий языковой функционал поля, возможность градуального характерологического описания:

существительное – гнев, вспыльчивость, самообладание, зверь, честолюбие, цель, отчаяние, первенство, совершенство, успех, преданность, кулак, достижение, силы; **глагол** – выкинул, трунить, погиб, ударил, задался, добиться, достигать, испытывать, пожертвовать, желать, овладеть, предостерегать, мучить, дошел до того, снести; **прилагательное** – беспредельный, бледный как смерть, огромный, несомненный, страшный, наивозможнейший, гордый, бледный; **наречие** – совершенно, сильно/сильнее, страстно, больно, отлично, скоро, прямо.

Отдельный ряд составляют служебные части речи: чуть было, если бы, чем-нибудь, не только, именно, такой же и другие. Присутствие некоторых слов в данном ряду обусловлено контекстом. Например, успех является непременным результатом достижения честолюбивых планов Касатского и его «недостижение» прямо вызывало гнев. Вся лексика в той части, где описывается борьба Касатского с самим собой, может считаться составляющей частью поля гнева в тексте. О поэтическом тексте Ю.Н. Тынянов писал, что слова в стиховом ряду семантически действуют друг на друга в силу единства и тесноты ряда, «когда колеблющиеся признаки становятся настолько интенсивными, что они образуют общий семантический фон, смысл каждого слова является в результате ориентации на соседнее слово [Тынянов, 1965, с.125]. То же самое мы видим и в прозе, поскольку она обладает своим ритмом и своей поэтикой (как говорил сам Л.Н. Толстой, «поэзия – все, исключая деловых бумаг и учебных книг» [Толстой, 1955, с.3]). В этом плане Л.А. Новиков выделяет *текстовое семантическое поле* – тип полей, «продуктивный для изучения языка художественной литературы и поэтики» [Новиков, 2001, с.555]. Семантика и структура такого поля контекстуально

обусловлена и подвижна. В рамках художественного произведения пересекаются понятия семантического и тематического поля. Тема текстового семантического поля, согласно ученому, представляет собой «синтез ряда подтем» [Там же, с.557].

Приведем указанные слова в цитатах из произведения. В повести тема гнева сопровождает тему честолюбия и первенства. Поэтому постоянно пересекаются и дополняют друг друга лексемы этих двух полей. Поскольку гнев является сильной человеческой эмоцией, в сопровождающих эту тему лексемах как правило присутствует элемент крайнего выражения, сильной или, наоборот, слабой степени проявления действия, явления, характеристики. Мы видим, что Касатский *чуть не выкинул* кадета из окна, поскольку тот *трунил* над его коллекцией минералов. Тут *чуть не выкинул* и *трунил* близки по семантике неполноты действия, выполнения его не в полную силу: «*трунил*» может быть обиднее, чем «*смеялся*». Далее в тексте, после ввода темы гнева, сразу идет описание отношения князя к императору: «*страстно, именно страстно любил Николая Павловича*» [196]. И здесь мы видим в тексте стремление к семантике исключительности: «*Касатский испытывал восторг влюбленного, такой же, какой он испытывал после, когда встречал предмет любви. Только влюбленный восторг к Николаю Павловичу был сильнее: хотелось показать ему свою беспредельную преданность, пожертвовать чем-нибудь, всем собой ему*» [196]. Здесь интересна деталь *пожертвовать чем-нибудь*: наличие неопределенного местоимения говорит о бесконтрольности чувства, такой же, как при *вспышках гнева*. Крайняя степень выражения присутствует в метафоре *делался зверем*, в просторечности глагола *чуть не выкинул* (*кадета*), маркирующем уточнении *прямо в лицо* при глаголе *согнал*, усугубляющем неприятность лжи. При глаголах сильного физического воздействия *выкинул*, *погиб* присутствует уменьшительная частица *чуть* (*чуть было*), подчеркивающая семантику глагола. В характеристиках Касатского повтором присутствует лексема *быть* в эвфемистичной, метафорической форме *добиться*:

С внешней стороны Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа с самого его детства шла, по-видимому, самая разнообразная, но в сущности все одна и та же, состоящая в том, чтобы во всех делах, представлявшихся ему на пути, достигать совершенства и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей. Было ли это ученье, науки, он брался за них и работал до тех пор, пока его хвалили и ставили в пример другим. Добившись одного, он брался за другое. Так он добился первого места по наукам, так он, еще будучи в корпусе, заметив раз за собой неловкость в разговоре по-французски, добился до того, чтобы овладеть французским, как русским; так он потом, занявшись шахматами, добился того, что еще, будучи в корпусе, стал отлично играть [197].

Даже в описании блистательности князя присутствует и наращивается повтором семантика силы, воссоздающая картину гнева: *гнев – вспыльчивость – зверь – кулак – силы – быть*. Здесь присутствует прием употребления синонимии, лексического (контактного) и семантического повтора как средство наращивания

определенного смысла: *сложный – напряженный – работа – работать, достигать – добиваться – отлично играть, совершенство – успех – похвалы – первое место – хвалить – ставить в пример – удивление.*

Мы привели в пример небольшой фрагмент, эта же картина присутствует на протяжении следующего абзаца, большего по объёму. Не будем цитировать его полностью, приведем только отдельные фразы: *всегда была поставлена какая-нибудь цель; как бы ничтожна она ни была, он отдавался ей весь; достигал назначеннной цели, стремление отличиться; отличиться, достигнуть поставленной цели; задался целью наивозможнейшего совершенства, скоро стал образцовым офицером, опять с тем недостатком неудержимой вспыльчивости; почувствовав недостаток общего образования, задался целью пополнить его; добился того, чего хотел; задался мыслью достигнуть блестящего положения, выучился отлично танцевать, очень скоро достиг того, был зван на все великосветские балы, привык быть первым.* И все время это перечисление заканчивается мыслью, что, тем не менее, он не был собой доволен, что приводило к раздражению. И не только в конце перечисления, но и в самом перечислении рефреном постоянно присутствует мысль, что Касатский был недоволен то одним, то другим в себе. В целом глаголы *добиться* и *достичь* постоянно повторяются в первой части повести, до «обращения» Касатского. И в истории своей планируемой женитьбы князь ведет себя сообразно характеру. «Вступая в свет, он задал себе целью связь с женщиной света – и неожиданно для себя скоро достиг этого» [198] – так описывается «победа», которую одержал князь и здесь. Заканчивается история плачевно, очередной вспышкой гнева Касатского, когда он, разочаровавшись в невесте, закончил отношения с ней и ее семьей тем, что поднял «огромный кулак и, повернувшись, убежал» [200]. После большого разочарования в любви он решает стать монахом, отдаваться служению Богу. Здесь интересно видеть, как преломляется гнев Касатского и, соответственно, его описание в тексте. Л.Н. Толстой пишет, что при поступлении в монахи «в нем было <...> истинно религиозное чувство <...>, которое, *переплетаясь с чувством гордости и желанием первенства, руководило им*» [201]. Здесь обозначается борьба, которая ведется в Касатском при обращении его в отца Сергея. Внешне он был монахом, но внутри он оставался тем же Степаном Касатским, для него по-прежнему важным было чувство достижения цели: «Вообще на седьмой год своей жизни в монастыре Сергию стало скучно. Все то, чему надо было учиться, все то, чего надо было *достигнуть*, – он *достиг*, и больше делать было нечего» [203]. Став монахом, Касатский при всех своих стараниях не может изменить свой характер:

<...> Касатский, так же, как и во всех делах, которые он делал, и в монастыре находил радость в *достижении наибольшего* как внешнего, так и внутреннего *совершенства*. Как в полку он был не только *безукоризненным* офицером, но таким, который делал *больше того, что требовалось*, и расширял рамки *совершенства*, так и монахом он старался быть *совершенным...* [202].

В одном предложении мы видим ту же лексику, которая присутствовала при описании Касатского в его другой ипостаси. Слова *достижение – наибольшего – совершенство – больше того – совершенный* (трижды повторение этой семьи в

предложении) – лексика семантического поля исключительности, входящего в тему гнева и пересекающаяся с семантическим полем гнева в произведении. На протяжении всего фрагмента мы наблюдаем синтез темы достижений и смирения (кажущегося Сергию): *радость в достижении совершенства, в достижении всех христианских добродетелей, в первое время казались легко достижимыми, победа над грехом похоти, внутреннее совершенство, радость в достижении, радость давало сознание смирения, смирение доставляло радость, расширял рамки совершенства, совершенство облегчало ему жизнь, все это уничтожалось послушанием, возможность сомнений уничтожилась, интерес жизни состоял все в большем и большем смирении (большем и большем покорении), несомненность поступков.* Присутствует повторение слов: радость – 7 раз, достижение – 3, совершенство/совершенный – 4. В этом мы видим расширение лексико-семантического поля гнева до тематического поля, которое в рамках художественного произведения воспринимается как текстовое семантическое поле, о чём мы говорили выше. В нарочитом использовании лексики исключительности воссоздается тот же характер Касатского:

Кроме того, великий соблазн для Сергия состоял в том, что игумен этого монастыря, светский, ловкий человек, делавший духовную карьеру, был в высшей степени антипатичен Сергию. *Как ни бился с собой Сергий, но не мог преодолеть этой антипатии.* Он смирялся, но в глубине души не переставал осуждать. И дурное чувство это *разразилось* [204].

Иногда Сергия *охватывало* раскаяние в своем обращении [203]. Мы встречаем такое сочетание, как *монашеское честолюбие* – яркий пример пересечения рассматриваемых нами тем. Если раньше гнев приобретал какую-то форму, то теперь происходит то же в борьбе с соблазнами: «<...> Соблазн этот поднялся с страшной силой и дошел до того, что получил определенную форму» [204]. Как в приступах вспышчивости, внутреннее эмоциональное напряжение выливается в материальную форму, что находит свое выражение в тексте через накопление соответствующей описательной лексики: *сказал он бледнея и с трясущимися губами, гордость, неспособность бороться, каяться в грехе гордости, причиной всему гордость, вспышка гнева, не мог перенести.*

По сюжету мы знаем, что в конце ему открывается чувство смирения, когда он видит образ жизни и поступки Пашеньки. «Драматический поиск собственной души» [Лученецкая-Бурдина, 2014, с.190] увенчался, наконец, для Сергия успехом. Он сам говорит себе:

Я жил для людей под предлогом бога, она живет для бога, воображая, что она живет для людей. Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодеятельствованных мною для людей. Но ведь была доля искреннего желания служить богу? [234].

Вот из этой доли для отца Сергия и начинает рождаться истина только к концу повести.

Заключение

Мы рассмотрели функционирование семантического поля гнева в повести «Отец Сергий» и пришли к следующим выводам: 1) семантическое поле гнева выражается в тексте повести соответствующими лексико-семантическими элементами; 2) понимание семантического поля при рассмотрении художественного текста расширяется до понятия текстового семантического поля; 3) текстовое семантическое поле (обусловленное контекстом) может включать в себя нестандартные для представляемого семантического поля лексические единицы.

Рассмотрение семантического поля в рамках художественного произведения имеет свои особенности и коннотативную обусловленность.

Центр поля выделяется в повести благодаря повтору (мы приводим статистический подсчет). Далее мы допускаем расширение границ поля за пределы узкой семантики гнева.

В «Отце Сергию» тема гнева пересекается с темой смирения и монашеского послушания. Находясь, как ему кажется, в смирении и испытывая радость от этого, отец Сергий на самом деле не изжил в себе честолюбивого князя Касатского, способного от злобы и гнева чуть не убить. На определенном отрезке сюжета, до истинного обращения князя в отца Сергия, гнев Касатского скрыто присутствует в его тщетных попытках смирения, пока он не научается, как объясняет ему игумен-наставник, смиряться не ради своей гордости, а ради Бога.

ИСТОЧНИКИ

Толстой, Л.Н., 1953. Собрание сочинений в 14 томах. Т.12. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Толстой, Л.Н., 1955. О литературе: статьи, письма, дневники. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белянин, В.П., 2022. «Печальные» тексты в художественной литературе. *Журнал филологических исследований*. 7(4), сс.61-65.

Караулов, Ю.Н., 2010. *Общая и русская идеография*. Москва: ЛИБРОКОМ.

Лученецкая-Бурдина, И.Ю., 2014. Реконструкция художественного целого в повестях Л.Н. Толстого 1880-1890-х гг. *Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки*, 1(2), сс.188-192.

Новиков, Л.А., 2001. Эскиз семантического поля. В кн.: Новиков, Л.А. *Избранные труды. Т.2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea*. Москва: Изд-во РУДН, сс.554-570.

Попова, З.Д., Стернин, И.А., Беляева, Е.И. и др., 1989. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.

Романов, Д.А., 2019. Философский и психологический опыт нравственно-этических поисков личности в художественно-языковой рефлексии (на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий»). *Вестник московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru [дата обращения: 20.11.2023]

Тынянов, Ю.Н., 1965. *Проблема стихотворного языка*. Москва: Советский писатель.
Тюпа, В.И., 2009. Анализ художественного текста. Москва: Академия.

REFERENCES

- Belyanin, V.P., 2022. «Pechal'nye» teksty v khudozhestvennoy literature [“Sad” Texts in Fiction]. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy* [Journal of Philological Researches]. 7(4), pp.61-65. (in Russian).
- Karaulov, Yu.N., 2010. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow: LIBROKOM Publ. (in Russian).
- Luchenetskaya-Burdina, I.Yu., 2014. Rekonstruktsiya khudozhestvennogo tselogo v povestyakh L.N. Tolstogo 1880-1890-kh gg. [Reconstruction of Art Whole in L.N. Tolstoy's Stories of 1880-1890]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Humanitarian studies]. 1(2), pp.188-192. (in Russian).
- Novikov, L.A., 2001. Eskiz semanticheskogo polya [Semantic Field Sketch]. In: Novikov, L.A. *Izbrannye trudy. T.2. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea* [Selected Works. Vol.2. Aesthetic Aspects of Language. Miscellanea]. Moscow: RUDN Publ., pp.554-570. (in Russian).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A., Belyaeva, E.I. and etc., 1989. *Polevye struktury v sisteme yazyka: kollektivnaya monografiya* [Field Structures of Language: Collective Monograph]. Voronezh: Voronezh State Univ. Publ. (in Russian).
- Romanov, D.A., 2019. Filosofskiy i psikhologicheskiy opty nравственно-этических poiskov lichnosti v khudozhestvenno-yazykovoy refleksii (na materiale povedi L.N. Tolstogo «Otets Sergiy») [Philosophical and Phsycological Experience of Moral and Ethical Person Searches in Art-Language Reflection (Based on the Material of L.N. Tolstoy's Novel “The Priest Sergiy”]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)*. 3. URL: www.evestnik-mgou.ru [Accessed: 20 November 2023] (in Russian).
- Tynyanov, Yu.N., 1965. *Problema stikhotворного языка* [Problem of Poetic Language]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).
- Tyupa, V.I., 2009. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Literary Text Analisys]. Moscow: Akademiya Publ. (in Russian).

ԳԱՅԱՆԵ ՀՈՎՃԱՆՆԵՍՅԱՆ – Զայրույթի իմաստային դաշտը Լ. Ն. Տոլստոյի «Հայր Մերգի» վիպակում – Հոդվածում զայրույթի թեմայի լեզվական արտահայտումը դիտարկվում է իմաստային դաշտ հասկացության շրջանակներում: Գեղարվեստական ստեղծագործության մեջ իմաստային դաշտը լայնացման և կոնտեքստուալ պայմանավորվածության միտում է դրսնորում: Դիմելով նման թեմաներ դիտարկած գիտնականների փորձին՝ փոխառվել է տեքստային իմաստային դաշտի հասկացությունը և օգտագործվել է այն որպես աշխատանքի գործիք: Իմաստային դաշտը՝ որպես լեզվական կատեգորիա, ունակ է ձևափոխվելու գեղարվեստական տեքստի ամբողջականության մեջ և տալու նոր կարգի դիտարկման նյութը: Իմաստային դաշտը գեղարվեստական տեքստում դուրս է գալիս իր սովորական գործառույթների շրջանակներից (հոմանիշների, բառակազմության) և ձեռք է բերում ձևափոխման ներուժ: Դա առաջին հերթին արտահայտվում է դաշտի սահմանների ընդլայնման մեջ, որը տեղի է ունենում բառապաշտի հաշվին (արձանագրվում է դաշտի համար անսպասելի տարրերի մուտք), սակայն իմաստային պլանը դրսնորում է շարահյուսության մեջ՝ տեմպի, ինտենսիվության (գործածման հաճախականության, կրկնության) և համադրության հնարներում: Զայրույթը, ոյուրագրգիր բնավորությունը գլխավոր հերոսի կարևոր բնութագրերն են: Այն առկա է տեքստի առավել մեծ հատվածում: Այդ թեմայի առանձնացման

հիմքը նկատելի է և՝ տերսու ներքին կազմում (իմաստային պլանի, ենթատերսու, մետաֆորիկայի), և՝ արտահայտման պլանի մեջ (տերսու արտաքին բնութագրի), ինչը ապացուցվում է հաշվարկով, քանակական համեմատությամբ: Այդ թեման զուգակցվում և խաչվում է վիճակի մեջ ուրիշ թեմաների հետ, ինչը միասնականորեն կերպարուում է վառ և ողբերգականորեն նկարագրված մարդկային ճակատազիր:

Բանալի բառեր – «Հայր Սերգի» իմաստային դաշտ, զայրույթ, տերսուային իմաստային դաշտ, համատերսու, խոնարհություն, բացառիկություն, բառապաշար, սինթեզ

GAYANE HOVHANNESYAN – *Semantic Field of Anger in L.N. Tolstoy's “Father Sergius” Novel.* – The work examines L.N. Tolstoy's story “Father Sergius” and the theme of anger/hot temper expressed in it. We consider the linguistic description of the topic within the framework of the concept of semantic field. Within a work of art, the semantic field shows a tendency towards expansion and contextual conditioning. Turning to the experience of scientists who have previously studied similar topics, we borrow from them the concept of a textual semantic field, which can be used as a tool for our work. We see that the semantic field as a linguistic category is capable of transformation in the text and provides material for new observation. The semantic field in a literary text goes beyond the use of its usual tools (synonymy, derivation) and acquires the transformational potential inherent in speech organics. This is the first we can see in the expansion of the field boundaries. Expansion occurs due to lexical content (unexpected to continue the field of lexemes), but also the semantic expression finds its manifestation in syntax through the techniques of tempo, intensification (frequency of use, repetition), compatibility. Anger is an important description trait of a personage. It is present in the overwhelming majority of the text. We see opportunities for highlighting this topic and considering it both in terms of filling the text (semantics, meaning, subtext, metaphors) and in terms of expression (external features of the text), which is supported by calculations and quantitative comparison. This theme coexists and intersects with other themes in the story and together creates a rich, tragically described image of human fate.

Key words: “*Father Sergius*”, semantic field, anger, text semantic field, context, humility, exclusivity, vocabulary, synthesis

ФИТОНИМЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ)

ЮЕХАО ХАНЬ*^{ID}

Ереванский государственный университет

Аннотация. Исследование фитонимов в русской, китайской и корейской лингвокультурах представляет собой комплексный сопоставительный анализ, направленный на выявление общих и специфических черт в наименованиях флоры на этих языках. Данная работа ставит своей целью всесторонний анализ влияния природно-климатических условий, культурных традиций, мировоззрения и менталитета носителей языка на формирование фитонимов в указанных лингвокультурах.

Структура исследования включает в себя детальный обзор фитонимов в каждом из рассматриваемых языков, анализ особенностей их употребления в языковой практике и символическое значение в культуре соответствующего этноса. Особое внимание уделяется выявлению универсальных и уникальных черт в наименованиях растений, обусловленных спецификой природной среды, хозяйственной деятельности, религиозных верований, мифологии и фольклора.

Выводы работы подчеркивают необходимость дальнейшего углубленного изучения фитонимов в системе языка и в культурном контексте, поскольку данная лексическая группа представляет собой ценный источник информации о мировосприятии, ценностных ориентирах и культурных доминантах этноса. Результаты исследования показывают, что фитонимы могут выражать не только реальные, объективные характеристики растений, но и ассоциативные, культурно обусловленные значения, отражающие специфику национального менталитета и картины мира.

Полученные результаты могут найти применение в теории и практике межкультурной коммуникации, в преподавании русского, китайского и корейского языков как иностранных, а также в лексикографической практике при составлении специализированных словарей фитонимической лексики.

Ключевые слова: фитонимы, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, корейская лингвокультура, языковая картина мира, мировосприятие, природа, язык и культура

* Юехао Хань – аспирант кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ
Յոյեհան Հան – ԵՊՀ Ուսու լեզվանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության
ամբիոնի ասպիրանտ

Yuehao Han – graduate student at YSU Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication

Эл. почта: hanyuehao666@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5989-1094>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 03.06.2024

Рецензия: 27.06.2024

Одобрено: 20.11.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Исследование фитонимов в русской, китайской и корейской лингвокультурах является актуальным и важным для понимания взаимосвязи между языком, культурой и природой. Фитонимы, как часть лексики языка, отражают взаимосвязь между человеком и природой, а также культурные особенности народа. Однако до сих пор не было проведено комплексное исследование фитонимов в этих языках, что создает нерешенные проблемы в понимании языковой картины мира и культурных традиций.

Работы по изучению фитонимов включают исследования Т.В. Исаевой, Г.А. Омарбековой, Ф.К. Исеновой и А.Д. Жакуповой. Они анализировали мотивационные признаки фитонимов в русском и казахском языках, а также изучали роль фитонимов в отражении языковой картины мира казахов и немцев. Другие исследования фокусировались на сравнительном анализе фитонимов в русском и корейском языках, а также на изучении культурных коннотаций фитонимов в русском и китайском языках.

До сих пор не было проведено комплексное исследование фитонимов в русской, китайской и корейской лингвокультурах, что указывает на наличие нерешенных проблем в понимании языковой картины мира и культурных традиций. Недостаток исследований фитонимов в этих языках ограничивает наше понимание взаимосвязи между языком, культурой и природой.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ фитонимов в русской, китайской и корейской лингвокультурах с целью выявления общих и специфических черт в названиях растений на этих языках.

Задачи исследования: сопоставительный анализ фитонимов в русском, китайском и корейском языках; выявление культурных коннотаций фитонимов в русском и китайском языках; анализ мотивационных признаков фитонимов в русском и корейском языках; определение роли фитонимов в отражении языковой картины мира и культурных традиций.

Исследование фитонимов в названных лингвокультурах имеет важное значение для понимания взаимосвязи между языком, культурой и природой и призвано помочь в расширении знаний о влиянии культурных факторов на формирование лексического состава языка и в понимании менталитета и ценностных ориентаций различных народов.

1. Фитонимы в русской, китайской и корейской лингвокультурах: культурные отражения и символические значения

Фитонимы занимают ключевое место в лексической системе языков, так как они не только обогащают словарный запас языка, но и служат важным инструментом для изучения механизмов порождения вторичных значений, языковой картины мира и лингвокультурных особенностей, а также для исследований в области межкультурного обмена и этноботанических исследований. В академическом контексте, основываясь на многообразии исследовательских подходов, фитонимы подвергаются классификации с применением множества критериев, отражающих их лингвистические и культурные особенности.

Один из основных критериев разделения фитонимов связан с их происхождением. В этой категории выделяют *aborигенные названия*, то есть такие, которые возникли в языке носителей культуры самостоятельно и обычно связаны с местной флорой, а также *заимствованные названия*, которые были введены в языковой контекст из других языков в результате культурных или торговых контактов. Например, слово *томат* в русском языке является заимствованием из испанского языка, куда оно, в свою очередь, пришло из языков народов Нового Света; слово *айва* пришло из турецкого языка, где оно имеет значение «медовое яблоко»; слово *глициния* заимствовано из древнегреческого языка, где оно имело значение «сладостный, приятный»; *камыш* – слово тюркского происхождения, обозначающее «тростник» [Выготский, 2021, с.235].

Другой критерий классификации касается уровня узульности фитонимов. Он позволяет разграничивать общеупотребительные названия, известные и активно используемые среди широких слоев населения (например, *яблоня*, *сосна*, *ель*, *роза*, *ромашка*, *сирень*), от диалектных названий, характерных для ограниченных территорий или социальных групп (например, слово *березка*, обозначающее в некоторых регионах России не только березу, но и определенные виды трав; ср. также *шелковик* ‘абрикос’, *бодряня* ‘айва’, *столетник* ‘алоз’, *синенький* ‘баклажан’, *весёлка* ‘береза’, *медвежья ягода* ‘малина’, *невестица* ‘петрушка’, *земляная груша* ‘топинамбур’ [Выготский, 2021, с.236].

Кроме того, важным аспектом анализа фитонимов является способ их словообразования. Фитонимы могут быть простыми (состоящими из одного корня, например, *липа*, *дуб*, *ива*, *душица*, *ежевика*, *малина*, *калина*, *рябина*, *камыш*, *клевер*, *ковыль*, *кувшинка*, *лопух*, *мак*, *репа*), производными (формирующимиися с использованием аффиксов, например, *липовый*, *рябиновый*, *ивовый*, *дубовый*, *маковый*, *малинник*, *ивняк*) и составными (состоящими из двух и более корней или слов, например, *тысячелистник*, *зверобой*, *златоцвет*, *кровохлебка*, *синеглазка*, *снежноядодник*, *белоцветник*, *горицвет*, *зайцевхвост*, *лисохвост*, *камнеломка*, *кедровый стланник*, *ночная красавица*, *бешеный огурец*, *грецкий орех*, *пастушья сумка*, *колючка верблюжья*, *львиный зев*, *держси-дерево*, *иван-чай*) [Жаркова, 2021, с.237-240].

В китайском языке существует множество фитонимов, каждый из которых обладает уникальными культурными и символическими значениями. Например, 桃花 (*táohuā*) — персиковый цветок, символизирует романтику и весну; 竹 (*zhú*) — бамбук, представляет упорство и гибкость; 梅花 (*méihuā*) — слиновый цветок, олицетворяет зимнюю стойкость; 兰花 (*lánhuā*) — орхидея, воплощает красоту и изысканность; 松 (*sōng*) — сосна, является символом долголетия; 菊花 (*júhuā*) — хризантема, ассоциируется с осенью и уединением. К другим фитонимам относятся 莲花 (*liánhuā*) — лотос, символ чистоты и духовного развития; 茉莉 (*mòlí*) — жасмин, связан с деликатностью и привлекательностью; 牡丹 (*mǔdan*) — пион, символ богатства и благополучия; 茲苇 (*líuwéi*) — тростник, символ гибкости и выживания [Го, Ян, 2020, с.17-21].

В корейском языке фитонимы также играют важную роль, отражая культурные символы и значения. Например, 紫牡丹 (*jangmi*) — роза, ассоциируется с любовью и

страстью; 대나무 (*daenamu*) — бамбук, символизирует честность и упорство; 벚꽃 (*beotkkot*) — вишневый цветок, символ весны и временной красоты; 구기화 (*gukhwa*) — хризантема, представляет осенние дни и выносливость; 소나무 (*sonamu*) — сосна, олицетворяет вечную зелень и долголетие; 연꽃 (*yeonkkot*) — лотос, символ чистоты и просветления; 무궁화 (*mugunghwa*) — гибискус, национальный цветок Кореи, символизирующий бессмертие и устойчивость; 진달래 (*jindallae*) — азалия, связана с радостью и украшением садов. Кроме того, 마화 (*maehwa*) — сливовый цветок, ассоциируется с началом весны и обновлением; 수선화 (*suseonhwa*) — нарцисс, символизирует самоуважение и элегантность [Пак, 2000, сс.20-27].

В переносном значении фитонимы в китайском языке выполняют функцию не только номинативных обозначений растений, но и служат метафорами для выражения более глубоких культурных и философских идей. Эти обозначения широко применяются в идиоматических выражениях, которые отражают эмоции, а также социальные и человеческие взаимоотношения. Примером может служить идиома 草春晖 (*cǎo chūn huī*), переводимая как «свет весны на каждой травинке», символизирующая глубокую благодарность детей к родителям. Эта метафора ассоциируется с заботой родителей, сравнимой с питательным светом весны, способствующим росту растений.

Другая идиома, 揠苗助长 (*yà miáo zhù zhǎng*), означающая «тянуть ростки, чтобы помочь им вырасти», служит предостережением против излишней поспешности и вмешательства в естественные процессы, подчеркивая важность терпения и внимательного отношения к росту и развитию.

В дополнение, фразы типа 桃色新闻 (*táo sè xīn wén*) и 桃花运 (*táo huā yùn*), использующие фитоним персика, демонстрируют его привязку к обозначению привлекательности и романтической удачи. «Персиковые новости» часто связаны с любовными скандалами, в то время как «персиковая удача» символизирует успех в привлечении внимания потенциальных партнеров.

Фитоним бамбука в идиоме 坚韧不拔 (*jiān rèn bù bá*), что означает «непреклонность и стойкость», символизирует устойчивость и способность сохранять целостность даже в сложных условиях. Эти примеры подчеркивают, как фитонимы в китайском языке могут передавать сложные социальные и эмоциональные значения, отражая тесную связь между природой и культурой.

В корейском языке, хотя фитонимы не всегда являются центральным элементом в идиомах, они присутствуют в виде аллюзий на предметы или явления, связанные с растениями. Например, идиома 떡이 떡이 더 보인다 (*Rисовая лепешка другого человека кажется больше*) использует образ рисовой лепешки для подчеркивания склонности людей воспринимать чужое как более привлекательное. Рисовая лепешка, или 퇴크 (*tteok*), играет важную роль в корейской культуре, символизируя праздник и общение [Чхунхян джон, 1954].

Другой пример, *ㅂ/가지/를 긁다*, буквально означающий «чесать чашу из тыквы», отсылает к природному материалу и связан с ритуалами отпугивания злых духов. В современном языке фраза символизирует действие, вызывающее раздражение, что также демонстрирует переносное значение фитонимов. Эти примеры иллюстрируют, как корейский язык включает элементы природы в языковые обороты, отражая широкие культурные взгляды на природу и человеческие отношения.

Смысовой аспект фитонимов в русском языке связан с их способностью выражать различные значения, отражающие как реальные характеристики растений, так и ассоциативные, культурно обусловленные. Например, русский фитоним *рябина* не только обозначает конкретное дерево, но и ассоциируется с красотой, уходом и печалью, что отражается в народных песнях и поэзии [Аникина, 2018].

(1) «Круг любви распался вдруг. / День какой-то полупьяный. / У **рябины** / Окаянной / Покраснели кисти рук. / Не маши мне, не маши, / Окаянная **рябина**, / Мне на свете все едино, / Коль распался круг души». Д. Самойлов

(2) «Сижу себе, разглядываю спину / Кого-то уходящего в плаще, / Хочу / запеть про тонкую **рябину**, / Или про чью-то горькую чужбину, / Или о чем-то русском вообще». Н. Рубцов

(3) «Под вечер земля печальней / и любимей. / Песней потянуло дальней / **о рябине**. / В небе надо мной не лето / и не осень — / тихое страданье света / между сосен». Г. Семенов.

2. Символические значения и культурные отражения

Фитонимы в языковых картинах мира представляют собой многоаспектные элементы, выходящие за рамки простой номинации и активно участвующие в формировании лингвокультурных характеристик отдельных языков. Их символика, часто насыщенная историческими и культурными слоями, позволяет глубже понять то, что растения не просто обозначаются словами, но и приобретают значимость символов в различных языках.

В русском языке фитонимы глубоко укоренены в фольклоре и литературе, что наделяет их значительными символическими и эмоциональными оттенками. *Рябина*, например, традиционно связывается с красотой и печалью, отраженной во множестве поэтических и музыкальных произведений. *Береза*, символизирующая чистоту и невинность, часто предстает в русской поэзии в качестве метафоры женственности и родины. *Дуб*, ассоциируемый с мужеством и силой, часто упоминается в героических сказаниях и песнях; *липа*, символизирующая любовь и материнство, часто встречается в любовных балладах; *калина*, изображаемая как символ красоты и женственности, особенно популярна в народных песнях. Также *сосна*, отождествляемая с несгибаемостью и величием, часто присутствует в русской поэзии. *Камыш* символизирует уединение и меланхолию, отражая черты русского романтизма. *Клевер*, символ счастья и богатства, часто используется в сказках как чародейный элемент. *Мак*, ассоциируемый со сном и забвением, находит отражение в народных колыбельных песнях. *Кувшинка*, символ чистоты и загадочности, упоминается в русских мифах и легендах. Наконец, *ромашка*, символ нежности и миролюбия, часто фигурирует в лирических стихах и народной

медицине [Выготский, 2007, с.43].

В корейской лингвокультуре различные фитонимы глубоко укоренились в культурной и национальной идентичности Южной Кореи, каждый из них символизирует отдельные традиционные ценности и темы. *Гибискус сирийский*, или 무궁화 (*mugunhwa*), является национальным цветком, олицетворяющим отвагу и мужество, отражающим историческую стойкость корейского народа. Между тем, цветок вишни, или 벚꽃 (*bëtkkot*), олицетворяет преходящую природу красоты, часто используется в литературе, чтобы подчеркнуть мимолетные моменты радости и непостоянство жизни, отражая философский подтекст, преобладающий во многих корейских художественных произведениях. Среди других значимых примеров – 소나무 (*sonamu*, *сосна*), символизирующая долголетие и стойкость, часто изображаемая в традиционной корейской живописи и празднуемая во время лунного Нового года. Ёнком, цветок лотоса) символизирует чистоту и духовное пробуждение, занимает почетное место в буддийских церемониях. Кроме того, 마에화 (*maehwa*, цветок сливы) предвещает приход весны, отмечаемый на различных культурных фестивалях, которые подчеркивают обновление и цикличность жизни.

В китайской лингвокультуре фитонимы весьма многообразны и имеют глубокое культурное, историческое и фольклорное значение, пронизывающее различные аспекты жизни китайцев. Бамбук, или 竹 (*zhú*), – это не просто растение; это символ стойкости и гибкости, вошедший в китайские пословицы и классическую литературу как олицетворение прямоты и силы человеческого духа. Цветущая слива, или 梅花 (*méihuā*), является воплощением силы воли и красоты в суровую зиму и часто изображается в поэзии и живописи как метафора сохранения целостности и мужества в невзгодах. Это особенно отмечается во время Праздника сливы, цветение которой является символом обновления и твердости духа. Пион, или 牡丹 (*mǔdān*), почитаемый как «король цветов», символизирует богатство и благополучие, широко представлен в китайской мифологии, в садово-парковом искусстве, в частности, в старинных императорских садах. Орхидея, или 兰花 (*lánhuā*), олицетворяет добродетели смирения и благородства, ценимые в конфуцианской мысли, а лотос, или 莲花 (*liánhuā*), символизирует чистоту и духовное просветление, что отражает его значение в буддийских традициях. Сосна, или 松树 (*sōngshù*), ассоциирующаяся с долголетием и выносливостью, часто является атрибутом китайского Нового года, символизируя стойкость, необходимую для того, чтобы пережить зимние месяцы. Хризантема, или 菊花 (*júhuā*), олицетворяющая жизненную силу и долголетие, чествуется на Фестивале хризантем как символ осени. Османthus, или 桂花 (*guìhuā*), с его сладким ароматом часто олицетворяет благородную силу; он ассоциируется с луной и является символом праздника Луны, во время которого пекут «лунные пирожные», в состав которых входят и лепестки османтуса. Побеги бамбука, или 竿 (*sùn*), символизируют вечную молодость, силу и процветание. Они являются важным ингредиентом блюд, изготавляемых в дни Праздника

весны. Наконец, цветок персика, или 桃花 (*táohuā*), неотъемлемая часть китайского романтического фольклора, в частности в таких сказках, как «Весна цветущих персиков», символизирует вечную любовь, красоту и чистоту.

Изучение фитонимов в русской, китайской и корейской лингвокультурах позволяет выявить следующие ключевые особенности и различия:

1. В русском языке наблюдается значительное количество заимствований, свидетельствующих о многообразных культурных контактах. Китайские и корейские фитонимы, в основном имеющие исконное происхождение, подчеркивают изолированность и уникальность этих культур, что связано с их исторической стабильностью и меньшим внешним влиянием.

2. Разница между общеупотребительными и диалектными названиями в русском языке очевидна и указывает на богатство регионального разнообразия. Это различие свидетельствует о множестве культурных и географических особенностей, присущих разным областям России. Фитонимы в китайской и корейской культурах наделены глубокими символическими значениями, которые связаны с философскими и культурными концепциями. Эти названия растений играют важную роль в формировании национального самосознания, отражая духовные и исторические аспекты жизни народов Китая и Кореи.

3. Фитонимы в русской культуре используются для выражения эмоций и национальной идентичности, насыщая ими литературу и фольклор. В Китае они воплощают культурные и философские концепции, активно участвуя в создании метафор и идиом. В Корее фитонимы отражают национальные символы и ценности, часто встречаясь в традиционных праздниках и церемониях.

4. В русском языке фитонимы служат средством повышения выразительности речи, в китайском они формируют сложные социальные и эмоциональные значения через идиомы, а в корейском интегрируются через символические образы, что подчеркивает связь между природой и человеком.

5. В русском культурном контексте фитонимы тесно связаны с народными представлениями о лечебных свойствах растений. В Китае и Корее они играют важную роль в традиционной медицине и религиозных практиках, акцентируя их духовное значение в жизни общества. Эти аспекты подчеркивают глубокую связь фитонимов с культурной идентичностью и эмоциональными состояниями народов.

Заключение

В заключение отметим, что изучение фитонимов в русском, китайском и корейском языках выявляет их значительную роль в формировании культурной идентичности народов. Фитонимы не только служат для обозначения растений, но и играют ключевую роль в отражении культурных ценностей, философских взглядов и исторического опыта каждого из народов. В русском языке фитонимы обогащают фольклор и литературу, передавая эмоциональные и символические значения. В китайской и корейской культуре они интегрированы в многочисленные культурные практики, включая традиционные праздники, религиозные обряды и искусство. Несмотря на некоторые заимствования, корейские фитонимы в основном имеют исконное происхождение и подчеркивают уникальность корейской культуры. В русском языке, в свою очередь,

заимствования отражают исторические культурные контакты России с другими странами.

Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на более глубоком изучении механизмов словообразования фитонимов в сравнительной перспективе, что поможет понять, как различные культуры влияют на лингвистические процессы в именовании растений. Также перспективным направлением будет изучение изменений в употреблении фитонимов в современном мире, особенно в контексте глобализации и изменения климата, что может привести к появлению новых названий и изменению традиционных значений. Кроме того, важно рассмотреть роль фитонимов в современных медиа и популярной культуре для понимания того, как растения продолжают формировать культурную идентичность народов в условиях глобализации.

Таким образом, фитонимы остаются важным и богатым полем для междисциплинарных исследований, объединяющих лингвистику, культурологию, историю и этноботанику, предоставляя уникальные возможности для исследования взаимодействия языка, культуры и природы.

ИСТОЧНИКИ

Чхунхян джон, Пхеньян, 1954. Русский перевод: История о верности Чхун Хян: корейские средневековые повести. – Москва: Изд-во восточной литературы, 1960.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникина, Т.В., 2018. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 4(4), сс.3-13. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Бабина, Л.В., 2021. Метафорические когнитивные модели создания сложных фитонимов. *Когнитивные исследования языка*. 1(44), сс.221-228.

Выготский, В.С. *К этимологии русских названий растений. Часть 1.* URL: <https://proza.ru/2021/07/19/1318> [дата обращения: 28.03.2024].

Выготский, Л.С., 2007. *Мышление и речь*. Москва: Лабиринт.

Го Жунжун, Ян Хайюнь, 2020. Различия культурных коннотаций фитонимов в русском и китайском языках. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 1-2(40), сс.17-21. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10051.

Жаркова, Е.К., 2021. Фитонимы: особенности перевода. В кн.: *Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых и специалистов с международным участием, посвященной 155-летию со дня рождения Н.Н. Худякова*. Москва: Изд-во Российского гос. аграрного ун-та – МСХА им. К.А. Тимирязева, сс.237-240.

Пак, С.Г., 2000. Фитонимы в русской и корейской фразеологии. В кн.: В.В. Красных и А.И. Изотов, ред. *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 12. Москва: Диалог-МГУ, сс.20-27.

Сультикова, Н. Б., 2019. Фразеологизмы с названиями растений в корейском языке. В кн.: М.В. Егошина, ред. *Наука молодых: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции*. Арзамас: Изд-во Нижегородского гос. технического ун-та им. Р.Е. Алексеева, сс.1354-1360.

REFERENCES

- Anikina, T.V., 2018. Slovoobrazovatel'naja struktura fitonimicheskoy leksiki v anglijskom i russkom jazykah [Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoretycheskoj i prikladnoj lingvistiki [Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics]*, 4(4), pp.3-13. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1 (in Russian).
- Babina, L.V., 2021. Metaforicheskie kognitivnye modeli sozdaniya slozhnyh fitonimov [Metaphorical cognitive models of creating complex phytonyms], *Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive studies of language]*, 1(44), pp. 221-228. (in Russian).
- Vygotsky, V.S. *K jetimologii russkih nazvanij rastenij. Chast' 1 [On the etymology of Russian plant names. Part 1]* URL: <https://proza.ru/2021/07/19/1318> [Accessed: 28 March 2024]. (in Russian).
- Vygotsky, L.S., 2007. *Myshlenie i rech' [Thinking and speech]*. Moscow: Labyrinth Publ. (in Russian).
- Guo Zhunzhun and Yan Haiyun, 2020. Razlichija kul'turnyh konnotacij fitonimov v russkom i kitajskom jazykah [Differences in the cultural connotations of phytonyms in Russian and Chinese] *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*, 1-2 (40), pp.17-21. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10051 (in Russian).
- Zharkova, E.K., 2021. Phytonyms: features of translation [Fitonimy: osobennosti perevoda]. In: *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchjonyh i specialistov s mezdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnoj 155-letiju so dnja rozhdenija N. N. Hudjakova [Materials of the All-Russian scientific conference of young scientists and specialists with international participation dedicated to the 155th anniversary of the birth of N. N. Khudyakov]*. Moscow: Russian State Agrarian Univ. – Moscow Timiryazev Agricultural Academy Publ, pp.237-240. (in Russian).
- Pak, S.G., 2000. Fitonimy v russkoj i korejskoj frazeologii [Phytonyms in Russian and Korean phraseology] In: V.V. Krasnyh and A.I. Izotov, red. *Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, Consciousness, Communication]*. Vol. 12. Moscow: Dialog-MGU Publ, pp.20-27. (in Russian).
- Sultimova, N.B., 2019. Frazeologizmy s nazvanijami rastenij v korejskom jazyke [Phraseological units with plant names in the Korean language] In: M.V. Egoshina, red. *Nauka molodyh: sbornik nauchnyh statej po materialam XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Nauka molodykh: collection of scientific articles based on the materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Arzamas: Nizhny Novgorod State Technical Univ. named after R.E. Alekseev Publ. pp.1354-1360. (in Russian).

ՅՈՒՅԵՀԱՌ ՀԱՆ – ԲՈՍԱԽՈՂԻՆՆԵՐԸ ՊՈԽԱԿԱՆ ԼԵՂՎԱՄՉԱԿՈՎՐՈՒՄ (ԺԻՆԱԿԱՆԻ և ԿՈՐԵԱԿԱՆԻ ԳՈՒԳՐԴՈՒԹՅԱՆՔ) – Հոդվածում ուսումնափրկում են բուսանունների համալիր գուգրդական իմաստները պոխական, չինական և կորեական լեղվամշակույթներում։ Բուսանունների նմանօրինակ վերլուծությունը միտված է այդ բառերի յուրօրինակ լեղվական հատկությունների, ընդհանուր և ուրույն լեղվական ու լեղվամշակութային հատկանիշների վերհանմանը։ Աշխատանքի նպատակն է քննության առնել բնակիմայական պայմանների, մշակութային ավանդույթների և աշխարհնկալման ազդեցությունը բուսանունների ձևավորման վրա։ Հոդվածի կառուցվածքը ներառում է բուսանունների նկարագրությունը երեք լեզուներում, բառօգտագործման վերլուծությունը խոսույթում և այդ բառերի խորհրդանշական իմաստը մշակույթում։ Կարևոր տեղ է

հատկացված բուսանունների ընդհանուր և մասնավոր հատկանիշների բացահայտմանը՝ պայմանավորված բնական միջավայրի, տնտեսական գործունեության, հավատքի, դիցարանության, բանահյուսության առանձնահատկություններով:

Ուսումնասիրության հիմնական արդյունքները վկայում են, որ բուսանունները արտացոլում են ժաղովուրդների աշխարհայացքի և արժեքների առանձնահատկությունները, ընդգծում են տվյալ բառախմբի խորացված հետազոտության անհրաժեշտությունը, քանի որ այդ բառերը էթնոսի աշխարհայացքի, արժեքային համակարգի և մշակութային դրմինանունների կարևոր աղյուր են: Հետազոտության արդյունքները ցույց են տալիս, որ բուսանունները արտահայտում են ոչ միայն բույսերի իրական, առարկայական հատկանիշները, այլև գուգորդական իմաստները՝ պայմանավորված մշակույթով:

Բուսանունները լեզվական աշխարհի պատկերի կարևոր տարրերից են: Սույն գիտական հոդվածը նոր տեղեկություններ է պարունակում լեզվի, մշակույթի և բնության փոխկապակցվածության վերաբերյալ, ինչը բխում է վերլուծված երեք լեզուների բուսանունների առանձնահատկություններից:

Մտացված արդյունքները կարող են կիրառվել միջմշակութային հաղորդակցության տեսությունում և պրակտիկայում, ուսւերենի, չինարանի և կորեերենի որպես օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկայում, ինչպես նաև բառարանագիտությունում՝ մասնագիտացված բառարաններ կազմելիս:

Քանակի բառեր – բուսանուններ, ոռուսական լեզվամշակույթ, չինական լեզվամշակույթ, կորեական լեզվամշակույթ, լեզվական աշխարհի պատկեր, աշխարհընկալում, բնություն, լեզու և մշակույթ

YUEHAO HAN – Phytonyms in Russian, Chinese and Korean Linguistic Cultures. – The study of phytonyms in Russian, Chinese and Korean linguistic cultures is a comprehensive comparative analysis aimed at identifying common and specific features in the names of the flora of these languages. This work aims at a comprehensive analysis of the influence of natural and climatic conditions, cultural traditions, worldview and mentality of native speakers on the formation of phytonyms in these linguistic cultures.

The structure of the study includes a detailed review of phytonyms in each of the languages under consideration, an analysis of the features of their use in linguistic practice and symbolic significance in the culture of the corresponding ethnic group. Special attention is paid to identifying universal and unique features in plant names due to the specifics of the natural environment, economic activity, religious beliefs, mythology and folklore.

The conclusions of the work emphasize the need for further in-depth study of phytonyms in the language system and in the cultural context, since this lexical group is a valuable source of information about the worldview, value orientations and cultural dominants of the ethnic group. The results of the study show that phytonyms can express not only the real, objective characteristics of plants, but also associative, culturally determined meanings reflecting the specifics of the national mentality and worldview.

The results obtained can be applied in the theory and practice of intercultural communication, in teaching Russian, Chinese and Korean as foreign languages, as well as in lexicographic practice in compiling specialized dictionaries of phytonymic vocabulary.

Key words: *phytonyms, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, Korean linguoculture, linguistic worldview, worldview, nature, language and culture*

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1

Ածըս բաշխության համար՝ 1

Address: 1, Alex Manoogian str., Yerevan

Կայք՝ journals.ystu.am

Էլ. փոստ՝ ephbanber@ysu.am

Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Տեխнический редактор
Տեխնիկական խմբագիր
Technical Editor

Էդգար Արշակյան
Էդգար Արշակյան
Edgar Arshakyan

Издательский редактор
Հրատարակչական խմբագիր
Publishing Editor

Արմեն Օվակիմյան
Արմեն Հովակիմյան
Armen Hovakimyan

Контрольный корректор
Վերսուուզող սրբազրիչ
Proofreader

Գայне Գրիգորյան
Գայնե Գրիգորյան
Gayane Grigoryan

Ответственный выпуск
Թողարկման պատասխանատու
Issued by

Hasmik Yesayan
Հասմիկ Եսայան
Hasmik Yesayan

Ստորագրված է տպագրության 02.12.2024: